

Часть четвертая.

VII.

Мацько Борковичъ.

Королевская свадьба продолжалась ужъ третій день, со всѣми ея обрядностями и великолѣпіемъ того времени. Всѣ богатые дворяне употребляли усиліе — нарядно и съ подарками явиться на это торжество съ многочисленными свитами и челядью. Король долженъ былъ всѣхъ кормить, поить и обдари-вать. Всякія развлечения, игры и забавы шли одинъ за другими, рыцари каждый день устраивали турниры, ристалища и состязанія, послѣ которыхъ побѣдителямъ раздавались награды, а затѣмъ начинались танцы, пиры. Музыканты играли и всѣ веселились до упаду. Пированье не прекращалось ни на минуту. Слуги едва успѣвали мѣнять опустѣвшіе миски и кувшины; все новые гости садились за столы, за которыми наблюдали маршалы, камергеры, подचाши и разные придворные чины.

Каждый день прибывалъ кто-либо новый съ поздравленіями, пожеланіями и незначительными подарками, за которые получалъ изъ сокровищницы болѣе богатые. Раздавались дорогія шубы, крытыя сукномъ и цвѣтными тканями, куски суконъ и тканей, серебряная посуда и разные предметы, смотря по достоинству лицъ и милости къ нему короля. Громаднѣйшая заготовка всякихъ вещей позволяла быть щедрымъ. Раздачей подарковъ завѣдывалъ Вѣржинокъ, который поставилъ для этого вѣрныхъ и испытанныхъ имъ людей, такъ что раздача шла быстро, безъ всякой задержки.

Всѣ зданія замка и дворы были переполнены народомъ;

вездѣ было, днемъ и ночью. шумно, весело и... хмѣльно. Рѣдко кто не былъ пьянъ.

Среди общаго параднаго веселья, дѣйствительно, казалось весело. Всѣ улыбались, лица позарумянились, глаза позагорѣлись... Словомъ всѣ съ виду чувствовали себя великолѣпно; но если-бъ кто-нибудь внимательно присмотрѣлся, то могъ бы легко замѣтить между веселящимися такія лица, которыя были далеко не такъ веселы, какъ могло казаться съ перваго взгляда. Напротивъ, они были почти грустны...

Да и не удивительно! Королевская свадьба возбуждала во всѣхъ разныя чувства. Значительная часть вельможъ и сановниковъ смотрѣла очень косо на этотъ бракъ. Всѣ, державшіе сторону королевы Елисаветы и Людовика венгерскаго, были недовольны женитьбой короля, ибо отъ нихъ удалялись общанія прежней свободы и правъ, которыми они пользовались въ старину.

Между тѣмъ Людовикъ обѣщалъ рыцарямъ участіе въ государственномъ совѣтѣ, освобожденіе отъ налоговъ и исключительныя привилегіи, которыя теперь уходили изъ ихъ рукъ. Но тѣ, кто уговаривалъ короля жениться, не думали о томъ и стремились только къ тому, чтобы удалить короля отъ неприличной связи съ жидовкой, вполнѣ надѣясь, что молодая жена сумѣетъ его удержать при себѣ.

Многіе смотрѣли на него съ любопытствомъ, желая угадать, съ какимъ чувствомъ онъ принималъ навязанный ему бракъ.

Во время свадьбы, никто не могъ ничего прочесть на его лицѣ и вывести изъ него какія-либо заключенія. Это былъ король, который женился, а какъ человѣкъ,—ни чѣмъ не выдавалъ себя.

Словомъ, онъ женился для того, чтобы получить наслѣдника польскаго престола и, казалось, исполнялъ только то, что отъ него требовали.

Гняжна была молодая, румяная, свѣжая, красивая, цвѣтущая здоровьемъ, робкая, а въ то же время и счастливая своимъ положеніемъ. Она гордилась короной, которая хотя и тревожила ее, но она старалась побѣдить себя.

Услужливые люди рассказывали ей забытыя исторіи. Пятнадцатилѣтнее одиночество Аделаиды, краткій морганатическій бракъ съ Рокичаной, любовь къ жидовкѣ и самое лицо Казимира—все

это могло беспокоить молодую Ядвигу, такъ какъ слухи о его жизни достигали до отцовскаго дома.

Первый взглядъ на супруга, который привѣтствовалъ ее съ вынужденной любезностью и величественною сухостью, увеличилъ ея опасенія, благодаря чему нужно было изыскивать убѣдительные доводы для успокоенія ея. Но хитрая гофмейстерина Кондратьевна, зная свою воспитанницу, обладала такими средствами, которыя могли подѣйствовать на ея молодое сердце. Она объяснила Ядвигѣ, что жизнь королевы не могла быть скучнымъ затворничествомъ; что можно было найти исходъ изъ тяжелаго положенія, находить себѣ тайныя развлечения и удовольствія, которыми забавлялся и самъ король. А разъ онъ забавляется свободой, то навѣрное не станетъ запрещать женѣ пользоваться ею...

Кромѣ старой гофмейстерины, почти весь дворъ не спускалъ съ глазъ новобрачныхъ, стараясь найти въ нихъ какихъ-либо признаковъ, которые обнаружили бы ихъ будущія отношенія. Но въ нихъ ничего не измѣнилось и ничего нельзя было угадать. Благодаря этому, придворные и гости перешептывались между собою и не предвѣщали для нихъ ничего хорошаго.

Болѣе любопытные люди, неумѣвшие угадать по лицу короля будущее, обращались къ Кохану, который, какъ было извѣстно, зналъ короля лучше самого себя и читалъ по его лицу, какъ по книгѣ.

Рава, получивъ званіе камергера, сдѣлался серьезнѣе, хотя по прежнему былъ строенъ и красивъ, — и не хотѣлъ отвѣчать на многіе, задаваемые ему, вопросы. Онъ только слушалъ, но не отвѣчалъ, присматривался издали и слѣдилъ за своимъ государемъ.

Между гостями, прибывшими изъ разныхъ земель, находился и Мацько Борковичъ, пріѣхавшій съ блестящей свитой. Въ виду устраненія отъ себя всякихъ подозрѣній, относительно дѣйствій противъ короля, онъ старался быть впереди всѣхъ, показываться вездѣ, громко говорить и принимать дѣятельное участіе въ свадебныхъ забавахъ.

Онъ и его братъ Ясько выступали съ необыкновенною пышностью. Оба они были сильные, ловкіе и опытные рыцари; оба принимали участіе въ играхъ, оба были одѣты въ великолѣпныя

одежды и оба сидѣли на прекраснѣйшихъ боевыхъ коняхъ, украшенныхъ рыцарскими эмблемами.

Въ первые дни свадебныхъ забавъ въ шеренгахъ, на которыхъ присутствовала и молодая королева, Мацько былъ одѣтъ въ блестящіе рыцарскіе доспѣхи и замѣтно искалъ случая обратить на себя ея вниманіе... Разумѣется, королева не могла его не видѣть и не узнать; но чѣмъ больше онъ старался быть у нея на виду, тѣмъ настоятельнѣе она избѣгала смотрѣть на него. Она вздрагивала, слыша его голосъ, и отворачивала отъ него свою голову съ тревогой и безпокойствомъ.

На третій день свадьбы, къ вечеру, несмотря на надзоръ маршаловъ и подборморіевъ, веселье и разнузданность подкутившихъ гостей достигли высшей степени.

Гофмейстерина Кондратьевна не могла держать своихъ служанокъ и отбиться отъ нападеній на нихъ придворной молодежи, которая осаждала дверь ея помѣщенія и беспокоила ее.

Сама она, нарядившись въ свое лучшее платьѣ, осталась только съ дѣвушками и ожидала каждую минуту, что ее или ихъ можетъ потребовать королева. Старуха отлично знала, что Ядвига не можетъ обойтись безъ нея, а потому, оставшись почти одна въ своей комнатѣ, подперлась своей худой рукою со множествомъ колецъ на пальцахъ и призадумалась, какъ вдругъ дверь осторожно полуоткрылась...

Скрипъ ея обратилъ вниманье старухи; она подняла голову, желая узнать, кто нарушилъ ея покой, но ничего не могла увидѣть, кромѣ блестящаго глаза, заглядывавшаго въ щель между дверьми. Вѣроятно, кто-то, прежде чѣмъ войти, осматривалъ внутренность комнаты. Старуха нахмурила брови и ужъ хотѣла крикнуть, чтобы неизвѣстный заперъ дверь, но послѣдняя раскрылась и на порогъ появился Мацько Борковичъ.

Узнавъ его, Кондратьевна не могла скрыть своего ужаса и озабоченности при видѣ того человѣка, съ которымъ ее связывали прежнія, теперь неудобныя отношенія.

Между тѣмъ Борковичъ, съ веселымъ и даже дерзкимъ лицомъ, смѣясь, подходилъ къ бабѣ, которая сложила руки и дрожала отъ страха. Видя ее испуганною, Мацько подошелъ къ столу и, опираясь на него рукою, отозвался:

Какъ видите, я послушался вашего совѣта... Княжна

сдѣлась королевой... Но вы знаете, что я не намѣренъ отказаться отъ своихъ правъ на нея...

У старухи слова замерли на губахъ.

— Что съ вами? Что съ вами?—пробормотала она подавленнымъ и дрожащимъ голосомъ.—Опомнитесь! Зачѣмъ вы сюда пришли?.. Какія ваши права?!

— Какія? ха-ха!—нагло возразилъ Мацекъ.—Я и вы одинаково знаемъ ихъ!.. Развѣ вы ужъ забыли, какъ устраивали мнѣ тайныя свиданія съ княжною?

— Тише!... молчите!—вскричала старуха, затыкая уши.—Какія свиданія?! Она съ вами не оставалась болѣе минуты!.. Мало ли кто цѣловалъ ея ручки, но это еще не даетъ никому какихъ-либо правъ!..

Старуха все больше возмущалась, а Борковичъ только усмѣхнулся, медленно приподнявъ руку передъ лампочкой и показавъ ей блестящій перстень.

— А это что?—спросилъ онъ.—Будто не знаешь этого колечка съ камнемъ? Чье оно? Кто и когда далъ мнѣ его? Кто мнѣ помогалъ?.. Слушай, старуха! или ты мнѣ должна дальше служить, или я погублю тебя, рассказавъ обо всемъ!.. Люди знаютъ Мацку Борковича и называютъ его нахаломъ, но таковъ я и есть, а потому со мной нельзя шутить...

Старуха закрыла глаза и расплакалась.

— Напрасно плачешь!—продолжалъ онъ.—Ужъ что я задумалъ, то должно быть, и ни за что не откажусь... Теперь она королева и я самъ согласился на это, но она не смѣетъ порвать со мною!.. Она дала мнѣ слово...

Кондратьевна, казалось, не слушала его и только махала руками, чтобы онъ замолчалъ. Но онъ, разгоряченный виномъ, и не думалъ уступить.

— Что тебѣ нужно отъ меня?—вскричала она въ отчаяніи.—Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь погубить меня?..

— Не хочу, а могу!.. Ты должна служить мнѣ...

— Ты ошалѣлъ!—прибавила она, оглядываясь во все стороны и боясь, чтобы кто-либо не подслушалъ.—Чѣмъ я могу служить тебѣ?

Борковичъ, очевидно, понялъ ее и наклонился къ ея уху.

— Я долженъ видѣться съ королевой!—воскликнулъ онъ.

тормоша ее за рукавъ. — Понимаешь? Долженъ и ничего не поможеть!.. Король сегодня или завтра ночью тайно уѣдетъ изъ замка, и Ядвига останется одна... Ты должна ввести меня къ ней хоть на минуту...

Старуха опять замахала обѣими руками и даже вскрикнула въ возмущеніи.

— Сколько хочешь — махай, — прибавилъ староста, давъ ей остыть, — ничего не поможеть и я долженъ видѣться съ нею... и — какъ Богъ святъ! — увижусь, а ты будешь караулить у дверей... Я знаю, чѣмъ это пахнетъ, но все-таки я увижусь съ нею съ глаза на глазъ... иначе погублю тебя... А вѣдь висѣлица никому не мила... самъ подвергнусь или тебя погублю.

Старуха плакала, но Мацько былъ невозмутимъ и, стоя у стола, окинулъ взглядомъ всю комнату.

— Если меня застанутъ здѣсь, — разсмѣялся онъ, — то я скажу, что пришелъ къ вамъ... Мое посѣщеніе не обезславить васъ... напротивъ, каждый можетъ только позавидовать, что вы имѣете такого любовника...

Эта шутка еще больше взбѣсила Кондратьевну, и она показала ему на дверь; но Борковичъ не двинулся съ мѣста.

— Безумецъ эдакій! — сказала она, помолчавъ. — Теперь на молодую королеву смотреть тысяча глазъ!

— Такъ что-жь? Теперь никому въ голову не придетъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился пробираться къ ней!.. Именно теперь или никогда... Всѣ ошеломлены и отуманены... Никто не заподозритъ и скорѣе повѣрятъ, что подвигившій Борковичъ, не найдя для себя молодой, пошелъ забавляться со старухой...

Кондратьевна толкала его къ двери, но онъ все стоялъ.

— Не уйду отсюда, пока не дашь мнѣ слова... Я не даромъ пришелъ... Хочешь или не хочешь, а должна, иначе я расскажу происхожденіе этого кольца и тебя тогда повѣсятъ!

Онъ подождалъ еще минуту и не дождавшись отвѣта рѣшительно заявилъ:

— Повторяю, что король, сегодня или завтра, непременно уѣдетъ къ Эсеири, королева останется одна, и ты вступишь меня. Ничто не поможеть и я не позволю себя прогнать. Конечно, и она можетъ быть испугается, но ты скажи ей тоже самое...

— Хорошъ пріятель!—воскликнула старуха.—Неужели вы выпросили у нея это кольцо только для того, чтобы пугать имъ?

— А то для чего же?—разсмѣялся онъ съ безстыдствомъ.— Я не иѣмецъ и не французъ, которые изъ любви къ дѣвушкамъ носятъ кусочекъ какой-либо ленточки по цѣлымъ годамъ.

И онъ дико разсмѣялся.

— У меня женщина всегда—женщина, хоть бы она сто разъ была королевой! А если она не захочетъ меня знать...

Когда онъ произносилъ послѣднія слова, гофмейстерина взглянула на него и вздрогнула отъ страха: до того лицо его было дикимъ и ужаснымъ, что она едва могла сказать ему, заикаясь:

— Уходите... у...у...уходите! Я сдѣлаю все, что могу... и пусть несчастье обрушится на вашу голову...

— Дѣлайте да поскорѣе,—наставительно и смѣло прибавилъ староста.—Передайте ей все, что я вамъ сказалъ... Она должна поговорить со мною. Повторяю, сегодня или завтра король навѣрное уѣдетъ изъ замка и тогда выпустите меня...

Старуха опять расплакалась, закрывъ лицо руками. Барковичъ посмотрѣлъ на нее и дернулъ ее за рукавъ.

— Не дальше, какъ завтра... слышишь?—прибавилъ онъ.— Я ждать не буду и не уѣду отсюда, пока не увижусь съ нею!.. Дѣлай, что хочешь! Награжу по королевски, но погублю, какъ падачъ, если обманешь!.. Всѣ знаютъ, что Мацько Барковичъ что начнетъ, то доводитъ до конца. Помни!

И, дернувъ ее еще разъ за рукавъ, онъ вышелъ изъ комнаты, даже не остерегаясь, что его могутъ замѣтить. Онъ ушелъ съ такою увѣренностью, какъ будто былъ вполнѣ гарантированъ, что все исполнится по его волѣ.

Едва за нимъ закрылась дверь, какъ старуха вскочила съ кресла, точно на пружинѣ, заломила руки и забѣгала по комнатѣ, то хватаясь за голову, то всплескивая руками, то сжимая и хрустя пальцами...

Между тѣмъ пиръ въ замкѣ продолжался. Она рылась въ своей старой головѣ, какъ бы избавиться отъ опаснаго чело-вѣка, но ничего не могла подыскать, какъ вдругъ кто-то смѣло постучался въ дверь и тотчасъ вошелъ въ комнату.

Это былъ подкоморій Коханъ Рава, любимецъ государевъ,

котораго гофмейстераина уже знала въ лицо и по рассказамъ, что онъ былъ самымъ сильнымъ, могущественнымъ и вліятельнымъ при особѣ короля.

Онъ вошелъ съ развязностью человѣка, который пришелъ не просить, а приказывать, и едва кивнулъ старухѣ головою.

— Я имѣю къ вамъ порученіе отъ государя, — коротко сказалъ онъ, внимательно смотря на Кондратьевну. Очевидно ея мокрые отъ слезъ глаза вызвали недоумѣніе и онъ сразу оборвалъ:

— Что съ вами? — спросилъ онъ, помолчавъ. — Чѣмъ вы такъ разстроены и озабочены? Кажется, у насъ при дворѣ не можетъ быть вамъ худо или чего-либо недоставать!

— Дѣтъ, ничего, ничего! — быстро перебила она.

— У насъ вы не должны плакать... Государь щедро платить жалованье, только ему надо вѣрно служить...

Приэтомъ онъ осмотрѣлся кругомъ, какъ бы убѣждаясь, одни ли они въ комнатѣ.

— Послушайте! — сказалъ онъ, — государь ужъ не такъ молодъ, чтобы постоянное веселье не надоѣло и не измучило его. Ему надо отдохнуть... но никто не долженъ знать о томъ, что онъ оставитъ королеву одну, чтобы дать ей свободу и время спокойно отдохнуть...

Онъ взглянулъ на старуху, которая поблѣднѣла.

— Что жъ тутъ удивительнаго? — прибавилъ онъ. — Только не надо давать пищи языкамъ, чтобы люди не предположили Богъ вѣсть что... Понимаете?

— Сегодня? — спросила дрожа старуха.

— Сегодня или завтра — не знаю, какъ онъ рѣшитъ... Вы только предупредите государыню, что онъ дѣлаетъ это не изъ неудовольствія на нее, а по доброй волѣ, чувствуя, что пора ужъ всѣмъ отдохнуть.

Кондратьевна кивнула головою въ знакъ того, что она поняла. Однако Коханъ продолжалъ стоять, какъ будто желая еще что-то сообщить. Онъ понижывалъ ее взглядомъ. Его смущалъ ея молчаливый видъ, съ которымъ она молча повторила, что она понимаетъ.

— Король очень милостивъ и щедръ, — прибавилъ онъ, — вы постарайтесь свискать его расположеніе и тогда вамъ будетъ хорошо жить на свѣтѣ.

Старуха, находясь подъ впечатлѣніемъ словъ Борковича и страха, который онъ нагналъ на нее, очевидно, хотѣла скорѣе избавиться отъ Равы, склонила голову, развела руками и приняла смиренный видъ.

Коханъ еще разъ посмотрѣлъ на нее и ушелъ.

Во время этихъ двухъ сценъ, королева находилась еще въ залѣ и смотрѣла на танцующихъ, сама не принимая участія. Въ комнатахъ царствовала жизнь и ужасный шумъ, который обыкновенно бываетъ къ концу продолжительныхъ забавъ и веселья, когда самые хладнокровные приходятъ въ азартъ и даже старики чувствуютъ себя молодыми.

Король много разъ приближался въ этотъ день къ королевѣ, стараясь ее ободрить и развеселить; но, видя ее сильно усталой и изнуренной, онъ предпочелъ ее оставить съ своими фрейлинами и гостями, которые окружали ее весь день.

Въ свою очередь, онъ разговаривалъ съ сановниками, смотрѣлъ на забавы и дѣлалъ, что могъ, чтобы казаться веселымъ, но и въ немъ замѣтна была разсѣянность и плохо скрываемое нетерпѣніе.

Разумѣется, трехдневный пиръ изнурилъ его. Гости мѣнялись и отдыхали, тогда какъ онъ и королева должны были бодрствовать все время. Поэтому никто не удивился, что королева, уже позднимъ вечеромъ, незамѣтно удалилась изъ залы; король тоже кивнулъ Кохану и скорѣй исчезъ.

Маршалы, камергеры и другіе придворные получили приказъ угощать гостей до тѣхъ поръ, пока они хотѣли угощаться и могли забавляться. Танцы не прекращались и застольный пиръ продолжался. Пирующие бесѣдовали между собою.

— Нашъ милостивый король, какъ новобрачный, немного скучноватъ,—замѣтилъ молодой дворянинъ Мельштинскій, обращаясь къ Спыткѣ Лигензѣ, сидѣвшему подлѣ него.

— Онъ усталъ,—возразилъ Спытко.—Кромѣ того, можетъ быть ему не по вкусу этотъ бракъ.

Мельштинскій разсмѣялся.

— Пустяки! что вы говорите?—воскликнулъ онъ.—Королева, что распустившійся бутонъ, милая, красивая... А вѣдь король любить красивыхъ женщинъ и ему нечего скучать.

Спытко пожалъ плечами.

— А вы наблюдали за королевой?—спросилъ онъ.—Правда, она недурна, но тоже почему-то скучна.

— Извѣстно—женщина!.. А женщины всегда не оказываютъ радости своему супружеству, потому что какъ будто стыдятся... Такой ужъ у нихъ обычай...

— Причемъ Ядвига, быть можетъ, вспоминаетъ о своихъ предшественницахъ, не считая Альдоны...

Они посмотрѣли другъ на друга, не желая дольше вести разговора на эту тему, и вѣрно начали бы бесѣду о чемъ-либо другомъ, если-бъ къ нимъ не подошелъ вездѣ совавшій свой носъ вульгарный Мадекъ Борковичъ.

Вѣроятно онъ слышалъ, что они говорили, потому что посмотрѣлъ на Спытку и произнесъ.

— За вдовцовъ выходить и вдовцомъ жениться,—последнее дѣло, даже для короля... Вы замѣтили, какой онъ мрачный, хотя и смѣется. Епископы насильно всучили ему эту силезскую горлицу въ самый разгаръ его связи съ жидовкой!

Такой свободный разговоръ въ замкѣ могъ показаться страннымъ, а потому и не вызвалъ отвѣта.

Молодые люди переглянулись. Между тѣмъ Борковичъ сѣлъ, развалился передъ ними, и продолжалъ:

— Бьюсь объ закладъ, что король въ одинъ изъ свадебныхъ дней убѣжитъ изъ замка къ жидовкѣ.

— Тсъ! Не говорите такъ!—замѣтилъ Мелыштинскій.—Кто-либо услышитъ и васъ опять оклеветаютъ.

— Достаточно ужъ оклеветанъ,—разсмѣялся староста,—а то, что я говорю, даже воробы поютъ на крышахъ... Разумѣется, если-бъ я не любилъ моего государя, не жалѣлъ и не печаловался надъ его судьбой, то и не сталъ бы говорить.

Онъ взглянулъ на сидящихъ противъ него. Лигенза, не любившій Борковича, не охотно возразилъ:

— Эхъ, господинъ староста! Мнѣ кажется, что каждый, кто якобы жалѣетъ его, въ сущности только завидуетъ. Въ особенности вы, какъ человѣкъ, не разъ бывавшій при силезскомъ дворѣ. Вамъ-то и не слѣдуетъ говорить подобныхъ вещей, ибо ходить молва, что вы черзчуръ близко стояли къ княжнѣ.

Борковичъ вскочилъ. Намекъ о его отношеніяхъ къ Ядвигѣ

сильно укололъ его, такъ какъ онъ не хотѣлъ, чтобы такіе слухи распространялись преждевременно.

Онъ грозно взглянулъ на Спытку, свелъ брови и молча отошелъ отъ молодыхъ людей.

Когда королева, провожаемая кастеляншей краковской и госпожей Тенчинской вошла въ свои комнаты и попрощалась съ ними у порога, ее ужъ поджидала у другихъ дверей старая гофмейстерина Кондратьевна.

На лицѣ новобрачной улыбка играла только до тѣхъ поръ, пока она не попрощалась съ дамами, а какъ только осталась одна, румянецъ исчезъ, она упала въ кресло и схватилась руками за голову. Кондратьевна, съ нѣжностью старой воспитательницы, подошла къ ней и сладенькимъ голосомъ заговорила:

— Королева ты моя писанная! — воскликнула она. — Измучилась ты съ этой свадьбой... Да? Правда?

Задумавшаяся Ядвига не отвѣтила на этотъ вопросъ. Старуха наклонилась къ ней и зашептала такимъ шепотомъ, который она хотѣла сдѣлать свободнымъ и веселымъ, несмотря на неуспокоившееся еще свое раздраженіе.

— Прежде ты, голубка моя, очень любила забавы, очень любила!.. Но теперь ихъ ужъ черезчуръ много... Тебѣ ужъ пора отдохнуть, моя дорогая!.. Раздѣнься... я позову служанокъ... Можетъ быть ты сегодня заснешь?.. Да, заснешь?

Королева молчала.

Пока старая гофмейстерина разговаривала съ нею, въ ея комнатѣ, находившейся рядомъ съ той, въ которой онѣ были, слышались чьи-то мужскіе шаги. Очевидно, кто-то нарочно ходилъ громко, чтобы обратить на себя вниманіе.

Испуганная старуха замерла, прислушалась, сдѣлала знакъ королевѣ и быстро, насколько позволяли ея годы, пошла посмотреть. Она боялась увидѣть въ ней Борковича, дерзость котораго не имѣла границъ.

Отворивъ дверь, она вздохнула свободнѣе: въ ней былъ Коханъ, который, увидѣвъ ее, быстро подошелъ къ ней и почти на ухо сказалъ:

— Король ужасно усталъ... Ему жаль королевы, которой

тоже нужно спокойствіе... Сегодня онъ будетъ спать у себя...

Сказавъ это, онъ посмотрѣлъ на старуху такимъ взглядомъ, который хотѣлъ внушить ей понятіе о томъ, что онъ сказалъ:

— Никому не проговаривайтесь! — прибавилъ онъ и ушелъ.

Гофмейстерина, отъ вниманія которой ничего не уходило, сразу замѣтила, что Коханъ былъ одѣтъ не такъ изящно, какъ часъ тому назадъ: на немъ былъ другой костюмъ и плащъ, точно онъ собрался въ дорогу. Это удивило ее. Изъ опасенія, чтобы кто-либо еще не вошелъ въ комнату, она проводила Раву, заперла дверь на ключъ и вернулась въ королевѣ, которая все еще сидѣла призадумавшись и, уставившись глазами въ полъ, медленно снимала съ себя драгоценности.

— Случилось такъ, какъ я хотѣла, — сказала она, подходя и помогая королевѣ снять головной уборъ. — Ты можешь свободно отдохнуть... Король тоже очень усталъ и сегодня будетъ спать въ своей комнатѣ... Сейчасъ меня оповѣстили о томъ и я могу сдѣлать тебѣ постельку...

На лицѣ Ядвиги появился загадочный румянецъ. Но Кондратьевна привыкла видѣть на немъ частыя перемены безъ всякой видимой причины и поэтому не обратила вниманія.

Ядвига почти не слухала воркотни старухи, такъ какъ была вся погружена въ свои мысли.

Снявъ всѣ тяжелыя украшенія съ головы и шеи и разстегнувъ платьѣ, она свободнѣе вздохнула. Но брови ея были сведены, выраженіе сурово, и она замѣтно волновалась.

— Слушай, Кондратьевна! — наконецъ отозвалась она. — Ты постаралась бы... усовѣстить этого Борковича...

Она остановилась на минуту.

— Да, — продолжала она, — скажи ему, чтобы онъ не смѣлъ смотрѣть на меня своими дерзкими взглядами... и преслѣдовать меня ими!.. Негодный человѣкъ... негодяй! Сегодня я не могла поднять своихъ глазъ, чтобы не встрѣтиться съ его нахальными взглядами, подмигиваньями и усмѣшками.

Старуху, державшая ожерелье, положила его на столъ и закрыла лицо руками.

— Скажите, какой нахаль! — прошептала она. — Ну, что я буду дѣлать съ нимъ? О, Боже! Боже!

— Дѣлай, что хочешь, — медленно отвѣтила королева, помолчавъ. — Ты приводила его ко мнѣ въ Глоговѣ, ты приносила подарки и ты покровительствовала его ухаживанью... Ну, вотъ, теперь и возьми его себѣ... Я знать его не хочу... Злой и глупый человѣкъ!..

Старуха внимательно прислушивалась къ такимъ, неожиданнымъ для нея, словамъ и мотала головой.

— О, Господи, Господи! — шептала она. — Какой ужасный человѣкъ! какой ужасный!

— Я знать его не хочу! — повторила королева. — Дѣлай, что знаешь, но чтобъ я не видала его. Прогони прочь съ моихъ глазъ...

Старуха призадумалась, привстала на колѣни передъ сидящей Ядвигой, подняла на нее глаза и зашептала:

— Это еще ничего, что онъ осмѣливается пиялить свои глаза на мою королеву!.. На это не стоитъ обращать вниманія... Людей много и никому нельзя запретить смотрѣть на красивую женщину... Это все пустяки! Но я скажу вамъ другое, отъ чего у меня волосы на головѣ становятся дыбомъ!.. Я-бы не сказала, быть можетъ, моей голубкѣ, чтобы не тревожить ее, но что я, несчастная, буду дѣлать съ этимъ нахаломъ!

Королева посмотрѣла на ея испуганное лицо.

— Мало того, что онъ преслѣдуетъ тебя своими взглядами, но онъ осмѣлился даже ворваться сюда!.. Когда я сидѣла здѣсь одна, вдругъ, вижу, вошелъ Мацько Борковичъ!..

— Какъ? сюда?! — спросила Ядвига.

— Да, въ мою комнату! — отвѣтила старуха, указывая на дверь. — Вотъ разрази меня!.. А зачѣмъ пришелъ?.. Стоило только его послушать! Говорить, у меня есть кольцо отъ нея... Она улыбалась мнѣ раньше, чѣмъ королю... Я, молъ, желаю видѣться съ нею и поговорить наединѣ...

Королева вздрогнула и беспокойно завертѣлась въ креслѣ. Румянецъ облилъ не только ея лицо, но и всю обнаженную грудь: она сильно возмутилась.

— Да, да, — продолжала старуха, таинственно подвигаясь къ ней на колѣняхъ. — Если ты, говорить, не введешь меня къ ней и не сдѣлаешь того, что я прикажу, то я погублю тебя... А если королева не пожелаетъ принять меня, то я буду хвастаться ея перстнемъ... Я, — говорить, — готовъ на все!

Слезы покатались изъ глазъ королевы.

— Вотъ, что ты надѣлала, старуха!—прошентала она съ упрекомъ.

— Я? я?!—воскликнула крестясь Кондратьевна.—Королева ты моя! голубка родная!... Вспомни хорошенько!.. Если-бъ ты не улыбулась ему въ танцѣ послѣ турнира, когда онъ велъ тебя за ручку; если-бъ не разговаривала и не смѣялась, то развѣ онъ осмѣлился бы подойти къ тебѣ или просить меня, чтобы я тайно вводила его къ тебѣ?!

Ядвига зажала ей ротъ своей бѣлой ручкой.

— Молчи ужъ, молчи!—воскликнула она.—Если-бъ не ты, то ничего бы и не было... Я молода и не знала, хорошо ли это или худо!.. Вѣдь онъ хвалился сдѣлаться великопольскимъ княземъ, что онъ въ союзѣ съ бранденбургами, будетъ правителемъ страны и женится на мнѣ!.. Чѣмъ же я виновата?

Старуха покачала головой.

— Ахъ, королева ты моя! Кто тутъ виноватъ? По моему, ни ты, ни я, а этотъ нахаль! Не легко женщинамъ отдѣлываться отъ такого человѣка, охъ, очень не легко! Онъ знаетъ всякіе подвохи! Злой человѣкъ! Но, что я сдѣлаю съ нимъ?

— Дѣлай, что хочешь,—повторила королева.

— И зачѣмъ было давать кольцо при послѣднемъ свиданіи!... Неужели и въ этомъ я виновата?.. Я ничего не знала, пока онъ, уходя, не показалъ мнѣ его на пальцѣ...

— Онъ насильно стащилъ его у меня!—прервала Ядвига испуганно и плача.—Я не могла кричать... онъ силой взялъ, такъ какъ зналъ, что дѣлалъ!..

Обѣ женщины умоляли; королева плакала, старуха терла свой лобъ, думала и ворчала:

— Злодѣй! настоящій злодѣй! Теперь онъ съ кольцомъ всегда будетъ грозить и что захочетъ, то и сдѣлаетъ съ нами... Онъ ужъ сказалъ мнѣ, что король сегодня или завтра ночью уйдетъ изъ замка...

— Куда?—спросила королева.

— Кто его знаетъ? Можетъ быть къ своей жидовкѣ! Но какъ это онъ могъ заранѣе узнать?!.. Ну, что я теперь ему скажу, когда онъ опять нападетъ на меня?.. Я просто голову

теряю... и хоть бы я Богъ вѣсть что сказала ему, онъ не послушаетъ и не уступить... Это кольцо нужно выкупить какою бы то ни было цѣною... И ты, королева моя, должна принять его и поговорить!..

— Я? Никогда! — воскликнула королева, вскакивая.

— Онъ погубить насъ!.. Королевъ онъ не посмѣетъ отказать... и возвратить перстень... А пока онъ у него, мы не будемъ спокойны...

— Говорю, что я ни видѣть, ни знать его не хочу, и ты дѣлай съ нимъ, что знаешь, — воскликнула Ядвига. — Кольцо онъ силой стащилъ съ руки. А ты знаешь, какое это было кольцо? То самое, которое король прислалъ мнѣ на обрученье!

Кондратьевна вскрикнула.

— О, Боже!.. Ну, разумѣется, онъ погубить насъ!.. Бѣдная моя головушка! не сидѣть тебѣ больше на моихъ плечахъ!.. Тебѣ, королева, ничего не будетъ... никто не посмѣетъ обвинять, а мнѣ... веревка съ петлей и... кончено!

И старуха упала лицомъ на землю, зарыдала и завопила.

— Послушай меня, королева моя, послушай меня! — зашептала она. — Прими, иначе мы не отдѣлаемся отъ него. Пусть на минуту войдетъ въ мою комнату... ты выйдешь къ нему и прикажешь возвратить кольцо. Я не отойду отъ порога и тебѣ нечего бояться его. Обѣщай ему свои милости и ласку, а потомъ мы не пустимъ его больше на глаза... Но кольцо онъ долженъ возвратить. Онъ не отдастъ его мнѣ. Это злой человѣкъ, и Богъ вѣсть какую цѣну за него заломить...

Последнія слова она прошептала совсѣмъ тихо и взглянула на королеву, которая дрожала отъ озлобленія. Сначала она долго молчала, а потомъ рѣшительно отвѣтила:

— Дѣлай что хочешь, а я не хочу и не могу видѣть его!..

И она горько зарыдала.

Старуха съ мольбою сложила передъ ней руки.

— Что мнѣ сказать ему? — вскричала она, хватая руку Ядвиги, чтобы поцѣловать ее. — Завтра я не отдѣлаюсь отъ него и онъ будетъ ждать у меня...

— И впускать не смѣй! — возразила королева. — Это еще скорѣе можетъ погубить насъ, чѣмъ то злосчастное кольцо... Я не могу и не хочу видѣться съ нимъ!

Старуха, не имѣя возможности побѣдить такое упрямство бывшей своей воспитанницы, которую теперь не узнавала, не могла больше настаивать. Она позвала камеристокъ и вмѣстѣ съ ними помогла раздѣть королеву и приготовить постель.

Кондратьевна, распорядившись, что надо было сдѣлать въ комнатѣ и назначивъ дежурныхъ дѣвушекъ на ночь къ королевѣ, сама поправила ей подушки, уложила въ постель, пошептала что-то и ушла изъ спальни.

Старуха рассчитывала на то, что ей не удалось сегодня, то можетъ удасться завтра или послѣ завтра и она достигнетъ своего настойчивостью, уговорами и ласками. Правда, она находила ее быстро измѣнившуюся и серьезно смотрѣвшею на свое новое положеніе, и это пугало ее, но она не отчаивалась.

На слѣдующее утро, хотя не такъ рано, свадебныя торжества начались съ тою же энергіей. По обычаю, свадьба должна была продолжаться десять дней, а потому опять пошли угощенія, игры, забавы и всякія удовольствія. Король вышелъ довольно рано, какъ будто онъ и не уходилъ изъ замка, освѣжившимся, отдохнувшимъ, здоровымъ, довольнымъ. Всѣ замѣтили его перемѣну къ лучшему.

Въ этотъ день готовились къ новому турниру. Было нѣсколько рыцарей, которые стремились отличиться своею ловкостью.

Королева прислала доложить королю, что она выйдетъ немного позже. Борковичъ, какъ и въ предшествующіе дни, вертѣлся, суетился и старался обратить на себя вниманіе. Но король избѣгалъ его и, по прежнему, не измѣнялъ къ нему своего равнодушія. Это былъ дурной знакъ для него, но онъ какъ будто не чувствовалъ лишенія королевскихъ милостей, былъ увѣренъ въ себѣ, смѣлъ и дерзокъ по прежнему.

Къ полдню всѣ ужъ сидѣли за пиршественными столами. Старая гофмейстерина, находясь въ своей комнатѣ, прохаживалась по ней и вздыхала, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно вошелъ Борковичъ.

Кондратьевна остоленѣла, увидѣвъ его у себя среди бѣлаго дня, но моментально побѣдила свой страхъ.

— Ну, что? Говорили съ королевой? — спросилъ безъ всякихъ оцѣнокъ смѣлый Борковичъ.

— Когда-же мнѣ было съ ней разговаривать?— мрачно отвѣтила старуха.

— Какъ—когда? Вѣдь королева ночевала въ своей комнатѣ и вы были вечеромъ при ней?

Ложью трудно было отдѣлаться отъ него.

— Я начала было... да она, при первомъ словѣ, затыкнула мнѣ ротъ,—пробурчала въ отвѣтъ старуха, которую Мацко пронизывалъ глазами и наблюдалъ за ея лицомъ, стараясь угадать, правду ли она говорить или лжетъ.—Она и слушать не захотѣла!

— А! и слушать не захотѣла!.. а! а!.. Королева не захотѣла! Вѣрно, вы не сказали, что я долженъ видѣться съ нею?

Гофмейстерина подошла къ столу и молча начала складывать разбросанныя на немъ женскія принадлежности.

Староста постоялъ нѣкоторое время въ ожиданіи, что она прибавитъ, но, видя ея презрительное долгое молчаніе, обозлился и выпалилъ:

— Вы хотите отдѣлаться отъ меня, какъ отъ наглаго нищаго? Но помните, что я пришелъ сюда не просить, а требовать! Вы слышите?

— А вы развѣ оглохли?—возразила она, покраснѣвъ, начиная выходить изъ себя.

— Что-же вы думаете, что этимъ и кончится?—расхохотался староста.

— А вы думаете, что васъ кто-либо боится?.. Королева говоритъ, что вы насильно сняли у нея перстень съ руки.

— Насильно? А если и такъ?.. Но вѣдь она не кричала, когда я насилывалъ ее и была со мной въ такомъ мѣстѣ, куда къ ней никто не могъ прійти на помощь? Ха-ха! Вы понимаете, что это значить?.. Она выдала-бы самое себя, если-бъ призналась въ этомъ... Но зачѣмъ вы меня пускали туда, гдѣ я могъ снимать кольца съ ея пальцевъ?..

И онъ дико расхохотался.

Кондратьевна помертвѣла. То, что онъ сказалъ, дѣйствительно, могло привести въ трепетъ.

— Да что вы думаете?—воскликнула она.—Обезславить королеву! Такъ знайте же, что ей ничего не будетъ, потому что ее станутъ защищать, а вы лишитесь своей головы...

Борковичъ грозно свелъ брови и поднялъ кулакъ.

— Я знаю, какъ защитить свою голову! — крикнулъ онъ, стукнувъ по столу, — но вы — берегите свою...

Старуха, желая отдѣлаться отъ него, опять стала складывать вещи, разглаживать и свертывать ленты. Борковичъ постоялъ съ минутой.

— Еще разъ предлагаю вамъ уговорить королеву позволить мнѣ прийти побесѣдовать съ нею, — отозвался онъ, помолчавъ, — иначе — будетъ худо... и вы увидите, на кого обрушится бѣда!

И староста ушелъ, сильно хлопнувъ дверь. Старуха осталась онѣмѣлая. У нея оставалось еще много времени до вечера подумать, и она заходила по комнатѣ.

Между тѣмъ Борковичъ вернулся въ залу, гдѣ гости забавлялись послѣ турнира. Въ этотъ день молодая королева раздавала награды, но старостѣ не дала ни одной, потому что онъ былъ два раза выбитъ изъ сѣдла.

Тѣмъ больше онъ обозлился, сдѣлался нахальнѣе и искалъ случая приблизиться къ ней.

Однако это было не легко, такъ какъ новобрачные сидѣли вмѣстѣ, и только когда начались танцы, отъ которыхъ королева отказалась вслѣдствіе усталости, онъ началъ кружиться по близости и искать случая остановиться позади ея кресла. Король находился далеко и былъ занятъ разговоромъ, а около нея были только фрейлины и старухи, которыя забавляли ее разными рассказами. Но она, казалось, не слушала ихъ и сидѣла съ опущенными глазами.

Борковичъ ловко подкрался къ ея креслу, и въ тотъ моментъ, когда музыка заглушала болтовню старухъ, онъ наклонился сзади и сказалъ почти надъ самымъ ухомъ:

— Помните перстень и того человѣка, который принялъ его отъ васъ... Не гоните его съ позоромъ, потому что онъ не позволить себя прогнать!

Онъ не ждалъ отвѣта и удалился. Королева вздрогнула, оглянувшись, но ужъ за кресломъ никого не было. Должно быть, никто даже не замѣтилъ, какъ онъ прошелъ дальше среди гостей.

Черезъ нѣкоторое время онъ остановился вдали противъ королевы, смотрѣлъ на нее, какъ бы желая доказать, что онъ никого не боится.

Въ тотъ же день, вечеромъ, королева послала одну изъ дамъ сказать камергеру Кохану—доложить королю, что она проситъ позволенія спать эту ночь въ своей комнатѣ. Коханъ тотчасъ доложилъ и отвѣтилъ посланной, что король ничего не имѣетъ противъ этого.

Ядвига рано удалилась изъ залы въ сопровожденіи придворныхъ дамъ въ свою спальню и, отпустивъ ихъ, велѣла позвать Кондратьевну. Послѣдняя припелась со стонами, съ обязанной головой. Въ комнатѣ ужъ никого не было. На лицѣ новобрачной замѣтенъ былъ гнѣвъ.

— Ты говорила съ Борковичемъ? — быстро спросила она старуху. — Не желаетъ ли онъ, чтобы я первая пожаловалась на него королю?

Кондратьевна замахала руками.

— Не стоитъ и говорить съ этимъ негодяемъ! — простонала она. — Все равно, что о стѣнку горохомъ... Онъ никого не боится и всѣмъ грозить... Это звѣрь, а не человѣкъ.

Королева закрыла глаза платкомъ и заплакала.

— Голубка ты моя, родная! солнышко мое!.. — воскликнула умиленно старуха. — Я весь день продумала о томъ, такъ что даже голова разболѣлась... Съ этимъ человѣкомъ нельзя иначе поступать, какъ только ласками, онъ на все способенъ.

Она помолчала и затѣмъ тихо прибавила:

— Позволь ему прійти въ мою комнату хоть на мигъ... Ты полуоткроешь дверь, покажешься, разбранишь и... онъ уйдетъ прочь...

Старуха посмотрѣла на королеву, но не унялась:

— А можетъ быть скажешь ему доброе слово?.. Такихъ людей можно иногда смирить пустяками... Обласкай его... Все можно обѣщать, что человѣкъ въ состояніи исполнить... Да?

Она кивнула головой. Королева молчала и плакала.

Настала тишина, прерываемая громкимъ рыданіемъ. Старуха начала снимать съ нея украшенія. Она знала, что если ея госпожа молчала, то значитъ полусоглашалась, а потому она суежилась около нея и прислушивалась.

— Дѣлай, что хочешь, — произнесла королева сквозь слезы. — Я ни о чемъ не должна знать и не могу... Понимаешь? не могу!.. Дѣлай, что хочешь...

Старухѣ только этого и нужно было. Она быстро начала укладывать спать свою воспитанницу, чтобы скорѣе уйти. Теперь, какъ ей казалось, у нея было чѣмъ избавиться отъ Борковича. Она была увѣрена, что онъ долженъ отнестись къ королевѣ съ снисходительностью и уваженіемъ.

Былъ уже поздній вечеръ и ужъ нельзя было ожидать прихода Борковича; но на слѣдующій день она чувствовала, что онъ навѣрное придетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно кружился по двору, ожидая удобнаго случая войти къ ней, и онъ вошелъ въ то время, когда всѣ гости сѣли за пиршественный столъ.

Кондратьевна спокойно сидѣла у себя.

— Что?—отозвалась она первая, — опять пришли ко мнѣ съ своимъ гнѣвомъ, запугиваньемъ и приставањями?.. Напрасно вы такой строгій... Если-бъ вы были повѣжливѣе и поделикатѣе, то быть можетъ больше выиграли-бы!..

Борковичъ подошелъ къ столу, у котораго она сидѣла.

— Хотите подарка?—спросилъ онъ.—Извольте, дамъ!

Старуха промолчала относительно подарка, а это доказывало, что она согласна принять.

— Можетъ быть и достигла бы чего-либо у королевы, но ни я, ни она ничего не сдѣлаемъ при вашемъ запугиваньи.

Она покачала головой, а Борковичъ, ворча, засунулъ руку въ карманъ, добылъ горсть золотыхъ денегъ и молча положилъ ихъ на столъ. Старуха быстро прикрыла ихъ платкомъ.

Староста сѣлъ подлѣ нея на лавкѣ и между ними начался разговоръ, какъ и въ былое время. Такая перемѣна въ ней Борковичу казалась обманомъ или измѣной, съ цѣлью выиграть время; но Кондратьевна отнеслась съ полнымъ довѣріемъ и озабоченностью, какъ бы безопаснѣе устроить его свиданіе съ королевой. Такимъ образомъ, она рѣшила, чтобы староста поменьше вертѣлся по двору, не возбуждая подозрѣнія другихъ, а только мелькомъ посматривалъ на ея окно, въ которомъ она повѣситъ красный платокъ, въ знакъ того, что онъ можетъ придти. Она обѣщала устроить свиданіе до окончанія свадебныхъ торжествъ, и Мацько, успокоенный, ушелъ.

Но напрасно онъ ждалъ краснаго сигнала въ продолженіе четырехъ сутокъ; онъ ужъ началъ выходить изъ терпѣнья и

хотѣлъ разнести старуху, какъ вдругъ увидѣлъ желанный знакъ.

Король уѣхалъ съ гостями на охоту и къ вечеру не обѣщалъ вернуться. Борковичъ отказался отъ участія въ ней подъ тѣмъ предлогомъ, что его лошадь захромала и поэтому остался въ замкѣ. Едва только смерклось, какъ онъ стоялъ ужъ на дворѣ въ ожиданіи оповѣщанія, когда онъ можетъ войти. Онъ нарочно поставилъ въ залѣ у окна своего оруженосца, чтобы тотъ сдѣлалъ ему какой либо знакъ, когда королева уйдетъ въ свои комнаты.

Спустя нѣкоторое время, Борковичъ вошелъ въ помѣщеніе Кондратьевны; которая, очевидно, поджидала его и положила палецъ на губы.

— Стойте смирно! — сказала она, вставъ съ мѣста и подходя къ дверямъ опочивальни королевы.

Она приложила ухо и осторожно стукнула; между тѣмъ Борковичъ, также осторожно, подошелъ за нею.

Дверь медленно отворилась. Ядвига, блѣдная и смущенная, стояла у порога. Сгорбленная старуха остановилась между старостой и королевой, которая не могла вымолвить слова. Борковичъ, съ радостной улыбкой на губахъ, оттолкнувъ старуху и, не обращая вниманія на испугъ Ядвиги, нахально вошелъ въ спальню, запирая за собою дверь. Королева попыталась назадъ, а Кондратьевна, упавшая отъ его толчка на землю, быстро вскочила, рванула дверь и раскрыла ее настежь...

Ядвига, пятясь отъ него, уперлась въ стѣну. Борковичъ, дойдя до половины комнаты; остановился и что-то страстно заговорилъ, но что именно—она не могла слышать. Разговоръ этотъ продолжался не болѣе минуты, и, по одному жесту королевы, Борковичъ вынужденъ былъ уйти. Онъ повернулся къ ней еще два раза и, проворчавъ что-то, вышелъ изъ спальни, нахлобучивъ колпакъ и совсѣмъ ушелъ, не останавливаясь даже въ комнатѣ старухи.

Съ чѣмъ и какъ онъ ушелъ, съ гнѣвомъ или лаской—неизвѣстно, потому что Кондратьевна не могла попытаться у королевы, такъ какъ она бросилась лицомъ на подушки и ничего не отвѣчала. Но старуха была увѣрена, что все кончилось благополучно, и потому свободно вздохнула.

Хотя Борковичъ находился въ замкѣ, но ни на слѣдующій,

ни на третій день онъ не являлся къ старухѣ. Въмѣсто него, ее посѣтилъ камергеръ Коханъ: онъ явился къ старухѣ съ цѣлью короче познакомиться съ нею.

Гофмейстерина приняла его съ уваженіемъ, но въ то же время и со страхомъ, чувствуя, что онъ станетъ разспрашивать ее, и зная, какъ онъ служилъ своему государю.

Онъ, разговаривая съ нею по пріятельски, давалъ ей различные совѣты, училъ ее старымъ королевскимъ обычаямъ, разспрашивалъ о молодой королевѣ, предостерегалъ и посвящалъ, что она должна была дѣлать и какъ поступать.

Недовѣрчивая старуха держала себя осторожно съ нимъ и больше молчала. Но у Кохана былъ свой расчетъ, котораго она не подозрѣвала и не могла угадать. Его цѣль была отвлечь короля отъ гордой Эсепри и сблизить съ молодой королевой. Служа ей, онъ надѣялся приобрести большее вліяніе и, по крайней мѣрѣ, быть у нея на виду больше, чѣмъ у жиловки, которая отдѣлывалась отъ него молчаніемъ и не позволяла фамиллярничать.

Въ разговорѣ съ гофмейстериной, онъ, между прочимъ, коснулся Борковича, который, по его мнѣнію, напрасно старался втереться въ милость короля.

— Правда-ли, — спросилъ онъ, — что говорятъ, будто онъ бывалъ на силезскомъ дворѣ, былъ знакомъ съ Ядвигой и пользовался ея симпатіей?

Старуха поблѣднѣла и не скоро собралась съ отвѣтомъ. Подумавъ нѣкоторое время, она горячо запротестовала, сказавъ, что все, что про нее говорятъ, однѣ только сплетни.

— Что онъ бывалъ въ Глоговѣ и въ Жеганяхъ — это не-сомнѣнно, — прибавила она, — и участвовалъ въ турнирахъ, какъ и всѣ другіе рыцари, но чтобы имѣлъ доступъ къ княжнѣ или пользовался ея симпатіей — никогда!

Оба смѣялись надъ этой сплетней и наконецъ разстались друзьями, взаимно обѣщая поддерживать дружбу и на будущее время.

Великопольша въ то время, благодаря проищу подъ откры-
Борковича, распалась на два лагеря. Одинъ изъ

сторону владѣльца Козьмина, а другой былъ на сторонѣ его дяди, стараго воеводы Венямина. Хотя ихъ соединяли родственныя узы, но характеры и настроенія давно раздѣлили ихъ.

Борковичъ былъ дерзкій, хитрый, жадный и стремящійся къ власти и богатству. Онъ не разбиралъ средствъ, благодаря которымъ могъ достигнуть цѣли. Набѣдокуривъ или оказавъ явное насиліе, онъ, чтобы не попасть въ опалу духовенства, жертвовалъ имъ вещи и деньги; совѣсть не мучила его, но страсть обуревала. Вбивъ себѣ въ голову сдѣлаться правителемъ Великопольши, которую намѣревался отнять отъ Короны и передать въ руки—бранденбуржцамъ и пруссакамъ, оставаясь ихъ ленникомъ, онъ постоянно стремился къ тому и готовился поднять знамя бунта, быть можетъ, рассчитывая на бездѣтность короля Казимира и временное безкоролевье, пока Людовикъ возсядетъ на польскій престолъ.

Веняминъ, или, какъ его называли, Бенько, былъ ужъ пожилой, но сильный какъ умомъ, такъ и физически. Онъ служилъ вѣрой и правдой королю, дорожилъ спокойствіемъ страны и былъ врагомъ того, что могло нарушить покой, а потому возмущался броженіемъ умовъ, ясно видя, къ чему все влечетъ. Въ самомъ началѣ, племянникъ его жены, Мацько, не совѣмъ опредѣленно обнаруживая свой замыселъ, старался расположить его въ свою пользу чрезъ посредство тетки, которая любила его и всегда держала его сторону.

Но Бенько не позволилъ себѣ увлечься самообманомъ и, несмотря на свою привязанность къ женѣ, слушать не хотѣлъ о томъ, а напротивъ, заявилъ ей, что онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ измѣны и всѣми силами будетъ сопротивляться ей.

Мацько былъ постояннымъ гостемъ у дяди, но послѣ неоднократнаго столкновенія съ нимъ пересталъ ѣздить и порвалъ всѣ отношенія.

Бенько вслухъ говорилъ всѣмъ, что онъ не позволитъ Мацьку влять заговора, въ ущербъ благосостоянія Великопольши, бранбуржцами и не допуститъ послѣднихъ распоряжаться въ этомъ доносили Борковичу, который слушалъ съ головою, подергивалъ бороду и чмокалъ. и отношенія родственниковъ обострились. Враги

Борковича окружали воеводу, а враги послѣдняго — шли къ Борковичу. Бенько посылалъ въ Краковъ донесенія о его заговорѣ, и онъ зналъ о томъ, а потому они начали грозить другъ другу, но посягнуть на стараго воеводу было очень трудно. Близкое родство обуздывало Мацьку; а главное, онъ боялся сильнаго дядю, ибо всѣ болѣе серьезные, честные и постоянные люди не соблазнялись его обѣщаніями и стояли на сторонѣ воеводы.

Бенько владѣлъ громаднѣйшими землями между Познанью и Гнѣзномъ и, кромѣ того, въ Калишскомъ округѣ, но самъ жилъ постоянно въ своемъ дворцѣ въ Познани. Въ городѣ его вліяніе было большое, тогда какъ у Борковича вся сила сосредоточилась въ провинціи и онъ являлся грознымъ съ своими союзниками. Друзья и пріятеля воеводы принадлежали къ значительнымъ владѣльцамъ земель, а таковые же Борковича — къ мелкопомѣстнымъ бѣднякамъ, но въ тоже время самымъ дѣятельнымъ, дерзкимъ и многогородственнымъ. Воевода разсчитывалъ на силу, а Мацько на дерзость мелкой шляхты и бѣдныхъ рыцарей.

Веньяминъ былъ бездѣтный. Единственный сынъ, какимъ онъ обладалъ и дождался въ зрѣломъ возрастѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ застрѣленъ кѣмъ-то на охотѣ. Сильныя подозрѣнія падали на Мацьку Борковича, по наущенію котораго было совершено это преступленіе; но не было достаточныхъ уликъ для положительнаго обвиненія старосты, хотя всѣ явно подозрѣвали его.

Мацько разсчитывалъ, что его тетка, недалёковидная женщина, склонить своего мужа оставить ему наслѣдство; но въ этомъ онъ жестоко ошибся, такъ какъ воевода, заподозривъ его въ разныхъ преступленіяхъ, слышать о томъ не хотѣлъ и все свое имущество записалъ, съ разрѣшенія короля, двоюроднымъ или троюроднымъ родственникамъ. Это еще больше раздражило Борковича.

Бенько насчитывалъ себѣ почти семьдесятъ лѣтъ и могъ считать себя старымъ только по количеству ихъ, но не по своему цвѣтущему виду. Онъ былъ высокаго роста, крѣпко сложеннымъ, закаленнымъ, постоянно дѣятельнымъ, энергичнымъ, и хотя за послѣднее время немножко отяжелѣлъ, но, въ случаѣ нужды, свободно садился на коня, ночевалъ подъ открытымъ небомъ и не боялся никакого труда.

Около него всегда было много народу. Порядки современной жизни и обычаи того вѣка были совсѣмъ иные, чѣмъ теперь. Всѣ вставали на разсвѣтѣ или до разсвѣта и ложились съ сумерками. Воевода, будучи набожнымъ и имѣя такой же дворъ, начиналъ свой день ранней обѣдной въ ближайшемъ костелѣ или въ дворцовой капличкѣ, которая хоть была маленькой, но когда открывались двери въ сѣни, то въ ней и въ сѣняхъ помѣщался весь дворъ. Тотчасъ послѣ обѣдни всѣ садились за столъ обѣдать въ большой залѣ; воевода съ женой занимали первыя мѣста; далѣе, по обѣимъ сторонамъ — гости и придворные.

За обѣдомъ воевода любилъ бесѣдовать, поэтому всѣ дѣлились какими-либо новостями, рассказываемыми по очереди, чтобы предметъ разговора не изсякалъ и за столомъ не возстановлялась тишина.

Обѣдъ въ разговорѣ незамѣтно затягивался. Воевода немного пилъ, но много ѣлъ; а такъ какъ отъ этого являлась жажда, то охотно поддерживалъ компанію и пилъ только слабое пиво, которое не затуманивало головы, но занимало много времени.

Какъ только кончался обѣдъ, старый Бенько любилъ кормить остатками пищи, хлѣба, мяса и костями своихъ псовъ, которыхъ впускали въ столовую. Собаки обсаживались вокругъ него; онъ ласкалъ ихъ, давалъ подачки и рассказывалъ разные охотничьи анекдоты.

Въ виду постоянного скопленія на его дворѣ гостей изъ разныхъ земель, онъ зналъ, что и гдѣ творится, такъ какъ всѣ привозили ему всевозможныя новости. Съ того момента, когда онъ порвалъ съ Борковичемъ свои отношенія, воеводѣ доносили о всѣхъ его поступкахъ и угрозахъ, такъ что Мацько не могъ сдѣлать ни одного шага, о которомъ не зналъ бы его дядя.

Жена воеводы, любившая племянника и питавшая къ нему родственную слабость, старалась защищать его, но это не помогало. У воеводы составилось уже убѣжденіе, основанное на неопровержимыхъ доказательствахъ, что Борковичъ затѣвалъ измѣну, и онъ ждалъ только неосторожного съ его стороны шага, чтобы осадить его.

— Я не стану ждать, — говорилъ онъ, — распоряженій изъ Бракова... Только бы были вѣрныя доказательства и я тотчасъ

велю его схватить... Пусть возникает процессъ... тогда все обнаружится.

У Борковича тоже были свои люди, которые доносили ему обо всемъ, что говорилось у воеводы и что онъ намѣревался дѣлать. Мацько злился и презрительно смѣялся.

— Прежде чѣмъ старикъ соберется на меня, — говорилъ онъ, — я уберу его со свѣта.

Воевода Бенько хоть и хотѣлъ быть на королевской свадьбѣ въ Краковѣ, но не могъ, вслѣдствіе болѣзни правой ноги, которая покрылась ранами, и ее нужно было лѣчить. Поэтому онъ остался въ Познани, и его оповѣщали каждый день, что тамъ происходило.

Главнымъ образомъ его интересовало, что тамъ будетъ дѣлать Борковичъ, который поѣхалъ наперекоръ ему и старался обратить на себя вниманіе. Его дерзость была очевидна и возмущала старика. Относясь съ презрѣніемъ ко всякой лжи, онъ не могъ перенести того, что его племянникъ стремился обмануть короля. Онъ зналъ о его отношеніяхъ съ княжной Ядвигой, и это тоже беспокоило его, а въ то же время и возбуждало любопытство.

Вержбентъ вернулся однимъ изъ первыхъ послѣ десятидневной свадьбы. Воевода былъ съ нимъ въ большой дружбѣ и вѣрилъ ему. Онъ тотчасъ послалъ къ нему съ просьбой навѣстить калѣку, какъ онъ называлъ себя.

Они заперлись вдвоемъ въ отдѣльной комнатѣ, потому что воевода не могъ еще твердо вставать на свою больную ногу и держалъ ее постоянно протянутой на скамейкѣ.

Вержбентъ, старавшійся прежде защищать Борковича и не вѣрившій, чтобы онъ былъ опаснымъ, вернулся изъ Кракова безпокойный и озабоченный. Теперь и онъ сталъ подозрѣвать старосту, послѣ того, что онъ видѣлъ и слышалъ на свадьбѣ. Его громкія и неосторожныя слова, а главное желаніе возобновить свои прежнія отношенія съ Ядвигой—были чересчуръ подозрительны. Откуда онъ зналъ объ этихъ отношеніяхъ и возобновленіи, этого онъ не сказалъ, но ручался, что Борковичъ не терялъ даромъ времени на свадьбѣ и дѣлалъ опасные шаги.

Воевода повѣрилъ всему.

— Этотъ негодяй способенъ на все и за нимъ надо слѣдить!—

сказалъ онъ.—Онъ, какъ змѣя, вползетъ въ королевскія комнаты и проникнетъ даже въ опочивальню.

Бенько тѣмъ больше обезпокоился, что все это продѣлывалось тайно и что Вержбентъ узналъ о томъ совсѣмъ случайнымъ образомъ. Изъ всего его разговора воевода тотчасъ вывелъ заключеніе, что Мацьку слѣдовало арестовать, благо есть вѣрный поводъ къ изобличенію. Его связи съ Бранденбургими были уже неопровержимы, а что касается королевы, то, по его мнѣнію, слѣдовало пресѣчь зло въ самомъ началѣ.

Вержбентъ не совѣтовалъ спѣшить, но соглашался учредить за нимъ строгій надзоръ. Однако, Бенько, говоря о племянникѣ, ужасно горячился и стоялъ на своемъ.

— Я готовъ принять все дѣло на свою личную отвѣтственность!—воскликнулъ онъ.—Я обладаю достаточными доказательствами и, кромѣ того, убѣжденіемъ, что этотъ негодяй заварить намъ кашу... Зачѣмъ ждать? Если я схвачу его и посажу на цѣпь, то люди, боящіеся его, когда онъ свободенъ, придутъ въ себя и расскажутъ про всѣ его козни, изъ опасенія лишиться своей жизни.

Говоря это, воевода билъ себя въ грудь, метался на своемъ сидѣннѣ и ударилъ свою больную ногу, такъ что застоналъ отъ боли. Вержбентъ, видя, что ему не удастся уговорить старика и даже отвлечь его рѣшенія, больше не сопротивлялся, а только прибавилъ:

— Хотя вы неизмѣнно рѣшили покончить такимъ путемъ съ Борковичемъ, но, по моему, это не легко... Онъ хитеръ и остороженъ, а кромѣ того—всегда окруженъ такими же негодяями, какъ онъ самъ... Его голой рукой не возьмешь: не дастся... Надо хорошенько обдумать, какъ его взять, чтобы онъ не пронюхалъ, что на него начинаютъ охотиться и не рѣшился на крайнія мѣры.

Но воевода не слушалъ этихъ справедливыхъ предостереженій и стоялъ на своемъ.

— Если онъ будетъ дольше на свободѣ и почувствуетъ свою силу, то кто его знаетъ, на что и на кого онъ посягнетъ!—воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.—Все бы еще было сносно, но вѣдь вы сами говорите, что онъ мѣтитъ на королеву и можетъ оскорбить короля!.. Онъ никого не пощадитъ!..

Наконецъ, дорогой мой, если я арестую его, то мнѣ кажется, что сдѣлаю ему благодѣяніе, ибо спасу его отъ смерти. Иначе онъ совершитъ такое преступленіе, за которое его надо будетъ повѣсить!..

— Дѣлайте, что хотите!—возразилъ Вержбентъ.—У васъ есть опытъ и сила, но,—Бога ради,—осторожно, потому что у этого человѣка вездѣ есть свои шпионы и... сохрани Богъ! если вѣтеръ какъ-либо преждевременно донесетъ до него ваши слова и увѣдомленіе о предстоящей опасности; тогда ужъ, разумѣется, не обойдется безъ пролитія крови.

И это не убѣдило воеводу, который заломилъ руки и серьезно прибавилъ:

— Дѣло касается короля и королевы. Если оставить его въ покоѣ, то вѣдь онъ не смирится, не опомнится и сдѣлаетъ переполохъ во всемъ краѣ, чтобы потомъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

Они долго еще бесѣдовали, но Бенько не уступилъ, такъ что Вержбентъ ушелъ, совѣтуя ему только быть осторожнымъ.

Оставшись наединѣ, старикъ все-таки не могъ успокоиться и немедленно хотѣлъ исполнить то, что задумалъ.

Какъ и всѣ пожилые люди, которые сами по себѣ мало могутъ сдѣлать, а только дѣйствуютъ умомъ, имѣютъ у себя такихъ людей, которые считаются у нихъ правою рукою. Такимъ человѣкомъ былъ у воеводы одинъ русинъ, нѣкій Панасъ. Бенько когда-то познакомился съ нимъ въ Краковѣ, принялъ его къ себѣ на службу и испыталъ во многихъ порученіяхъ. Онъ оказался вѣрнымъ и исполнительнымъ, а потому воевода полюбилъ его и вполнѣ довѣрялъ.

Панасъ, котораго перекрестили въ Панашу и называли его этимъ именемъ, былъ боярскаго рода, изъ знатной семьи того края, который Казиміръ завоевалъ и присоединилъ къ коронѣ. Какое-то, должно быть, кровавое дѣло заставило его бѣжать въ Польшу, и воевода взялъ его къ себѣ съ королевскаго двора.

Русинъ былъ представительнымъ, рослымъ и сильнымъ мужчиной, съ мрачнымъ лицомъ и взглядомъ, холоднымъ и молчаливымъ — хотя бы потому, что не умѣлъ говорить по-польски, — и вообще, любилъ больше исполнять, чѣмъ бросать слова на вѣтеръ. Онъ былъ очень набоженъ и почти полгода

постился, ѣлъ съ постнымъ масломъ; а то и совсѣмъ всухомятку; избѣгалъ веселаго общества и больше сидѣлъ въ своей комнатѣ; но досмотрѣть или исполнить какое-либо приказаніе— не было лучше его.

Панасъ никогда не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, если ему давались порученія, не ссылаясь на трудное исполненіе ихъ и старался только точно понять, что отъ него требовали, а потомъ—хоть бы на смерть,—для него было безразлично.

— Такой приказъ,—говорилъ онъ.

Воевода награждалъ его и хорошо обходился съ нимъ. Панасъ любилъ его и готовъ былъ идти за него хоть въ огонь и воду. Ему всѣ завидовали, называли его любимцемъ воеводы и никто не могъ соперничать нимъ. Это былъ желѣзный человекъ, не чувствительный ни къ холоду, ни къ голоду, смѣлъ до самозабвенія и неповоротливый, какъ медвѣдь.

Избалованные придворные воеводы часто смѣялись надъ нимъ, но никто не смѣлъ его тронуть. Онъ никогда не жаловался и расправлялся собственноручно, уродуя человека.

Разговоръ воеводы съ Панашей былъ довольно странный. Когда его призывали, онъ становился у порога, скрещивалъ руки на груди, кланялся и ждалъ. Воевода говорилъ, а онъ только кивалъ головою, въ знакъ того, что онъ слушаетъ. А если онъ плохо понималъ, то просилъ «отца», какъ онъ называлъ воеводу, чтобы онъ повторилъ ему медленнѣе и яснѣе то, что онъ приказывалъ.

Когда онъ говорилъ: «понимаю», то старикъ былъ уже увѣренъ, что все будетъ исполнено.

Панаша ужъ исполнялъ нѣкоторыя порученія относительно Мацьки Борковича и былъ посвященъ въ тайну, такъ что даже и самъ не упускалъ его изъ виду. Его проницательные глаза, казалось, не много смотрѣли, но много видѣли и во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ другіе.

Воевода пользовался имъ, гдѣ только нуженъ былъ вѣрный человекъ. Онъ даже поручалъ ему командованіе полками, потому что русинъ былъ опытный рыцарь; иногда дѣлалъ его начальникомъ своего двора и посылалъ въ свои помѣстья, которыхъ нужно было привести въ порядокъ.

Всѣ знали при дворѣ, что если воевода звалъ къ себѣ

Панаса и запирался съ нимъ въ комнатѣ, то значить готовится къ чему-либо серьезному.

Такимъ образомъ, воевода, какъ только Вержбентъ вышелъ отъ него изъ комнаты, тотчасъ велѣлъ позвать своего любимца.

Онъ немедленно явился въ своемъ длинномъ армякѣ и колпакѣ, которые всегда носилъ, если ему не надо было садиться на коня. Одѣтый въ такой нарядъ съ высокимъ колпакомъ, онъ казался настоящимъ великаномъ.

Панаша, по обыкновенію, остановился у порога, поклонился, прикасаясь рукой къ полу, и ждалъ.

Воевода приказалъ ему подойти ближе.

— У меня важное дѣло, я хочу поручить его тебѣ,—сказалъ онъ.— Я не требую отъ тебя поспѣшности и ты долженъ самъ обдумать его, какъ повести, чтобы не промахнуться... Даю тебѣ время на размышленіе. Подумай, но не черезчуръ долго.

Панасъ кивнулъ головою, что онъ понялъ.

— Пора намъ кончить съ Борковичемъ,—прибавилъ воевода тише.— Но, чтобы объ этомъ не знала ни одна живая душа.

Русинъ опять кивнулъ головою.

— Его надо схватить!—выразительно сказалъ Бенько.— Онъ черезчуръ набѣдокурилъ... Все, что мы знаемъ о немъ, довольно для наказанія; а чего еще не знаемъ, того ужъ будетъ слишкомъ много. Я рѣшилъ запереть его въ тюрьму, а дальше—будетъ мое дѣло.

Панаша слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и какъ будто призадумавшись. Не видя отъ него никакого знака, воевода обезпокоился и, помолчавъ, прибавилъ:

— Я самъ знаю, что это дѣло не легкое.

Русинъ кивнулъ.

— Но, для чего же у насъ разумъ?—разсмѣялся старикъ.— Хотя онъ самъ сильный и около него много негодяевъ, такихъ же какъ и онъ, но для тебя все это легко и возможно, если пожелаешь...

Панаша опять не подалъ никакого знака и воевода—по неволѣ нахмурился.

— Говори же, что ты думаешь объ этомъ?—спросилъ онъ.

Спрошенный пожалъ плечами и не быстро отвѣтилъ:

— Что нужно—то нужно... только...

Онъ не кончилъ, покачалъ головой и уставился глазами въ полъ. Воцарилось молчаніе, во время котораго Панаша какъ будто обдумывалъ, что ему дѣлать.

— Отецъ! — отозвался онъ, подумавъ, — позвольте мнѣ прежде поразузнать... Гмъ!

— Поѣзжай и возьми, кого хочешь! — возразилъ воевода, — только возвращайся скорѣе.

Русинъ поклонился и, пробурчавъ: „понимаю“! — ушелъ.

Воевода, сдѣлавъ порученіе, немного успокоился. Вечеромъ, такъ какъ нога его болѣла, онъ велѣлъ перевязать ее и вышелъ, опираясь на костыль, въ столовую. Въ небольшой комнатѣ и безъ людей ему было скучно. Онъ избѣгалъ говорить о томъ, что его занимало, но весь дворъ ужъ зналъ, что Панасъ былъ у него, и поэтому каждый выводилъ свои заключенія.

Старый Бенько притворялся веселымъ, хотя ему было не до веселья: уста его смѣялись, а лобъ хмурился.

Послѣ ужина жена подала ему руку и отвела въ спальню, въ которой опять баба перевязала ногу, обложивъ ее какими то травами, и окурила.

Воевода, легши въ постель, указалъ женѣ мѣсто, чтобы она посидѣла при немъ, пока явится сонъ. Хотя онъ зналъ, что она любитъ племянника и защищаетъ его почти на каждомъ шагѣ, но онъ не думалъ теперь скрывать отъ нея того, что рѣшилъ и рассказалъ ей все, что узналъ отъ Вержбента.

Маруся (передѣланное въ молодости имя Маріи) вздрогнула, но, не подавая виду, какъ ей это было непріятно, съ интересомъ слушала его. Бенько, рассказывая новости, увлекся и сказалъ ей то, чего она не должна была знать. Конечно, она не смѣла сопротивляться, но ея руки конвульсивно сжались отъ жалости и страха. У нихъ не было своихъ дѣтей, и она любила племянника, какъ родного сына, и все, что онъ не дѣлалъ, объясняла клеветою, человѣческой слабостью или вспыльчивостью.

Находясь въ состояніи увѣренности, что она не разубѣдитъ и не смягчитъ мужа, она молчала, и двѣ крупныя слезы скатились по ея лицу.

Что касается отношеній племянника къ Ядвига, то ста-

руха видѣла въ этомъ только его любовь, и ея сердце тѣмъ больше обливалось кровью.

Когда увлекшійся воевода кончилъ говорить, старушка робко закинула нѣсколько словечекъ, прося милосердія для Мацьки, и собралась уйти, но воевода сказалъ ей въ заключеніе, что ужъ говорилъ Вержбентъ:

— Этотъ негодяй долженъ благодарить меня, если я арестую его, ибо спасу ему жизнь, недопустивъ его до преступленія, за которое вѣшаютъ...

Такъ они и разстались.

Маруся, придя въ свою комнату, горько заплакала и долго не могла успокоиться. Она боролась съ своими чувствами и не знала что дѣлать; но сердце подсказывало, что она должна защитить сына своей сестры. Она была убѣждена, что Мацько не былъ настолько виноватъ, насколько его чернили злые люди.

Она стала на колѣни и начала молиться. Во время молитвы ей показалось, что она должна, во что бы ни стало спасти несчастнаго. Но какъ—она не могла придумать.

Вся ночь прошла въ слезахъ и безсонницѣ.

На слѣдующее утро, послѣ обѣдни, она позвала къ себѣ своего любимаго совѣтника, капеллана Михно. Это былъ благочестивый, смиренный, по недальновидный человѣкъ. Маруся, не посвящая его въ тайну и не говоря, о комъ она ведетъ свою рѣчь, задала ему вопросъ, что можно сдѣлать, очутившись въ критическихъ обстоятельствахъ, которыя она охарактеризовала общими фразами.

Но изъ всего, что она сказала, Михно понялъ, что этому человѣку надо дать время исправиться, раскаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и смириться. Какъ человѣкъ духовный, онъ больше ничего не могъ ей посовѣтовать и стоялъ лишь за спасеніе человѣка.

Сердце воеводши говорило ей то же самое, только она не могла этого сказать своему мужу или измѣнить ему.

Но можно ли было назвать это измѣной?

По уходѣ капеллана, воеводша, рѣшившись спасти Мацьку, начала обдумывать средства, какимъ образомъ предостеречь племянника, не навлекая на себя гнѣва мужа.

Отношенія съ Борковичемъ были порваны и всѣмъ при-

дворнымъ строго запрещено сближаться съ нимъ. Поэтому трудно было придумать, какъ предупредить Мацьку, чтобы онъ былъ остороженъ и берегъ свою голову. Она боялась довѣрить кому либо тайны, а сама искать не могла; да и найти его было почти невозможно, потому что онъ не жилъ на одномъ мѣстѣ, а постоянно перекочевывалъ изъ помѣстья въ помѣстье.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый день въ размышленіяхъ. Увѣдомлять въ то время письмами было не въ обычаѣ, да женщины и писать не умѣли. Значить, нуженъ былъ посредникъ, котораго воеводша боялась.

Оставалось послать къ Борковичу вѣрнаго человѣка, а такового-то у нея и не было. Хотя весь дворъ былъ привязанъ къ ней и охотно бы услужилъ, но всѣ боялись воеводы, какъ огня.

Находясь въ такомъ положеніи, Маруся вынуждена была обратиться къ епископу, который, какъ она знала, былъ добрымъ, милосерднымъ и не скорымъ на порицанія.

Такимъ образомъ, когда Панась уѣзжалъ потихоньку съ не большимъ отрядомъ изъ Познани, въ то же время, только по другой дорогѣ, помчался другой гонецъ отъ епископа разыскать Мацьку и предупредить его объ опасности.

Между тѣмъ Борковичъ, уѣхавъ изъ Кракова и наверстывая потерянное время, не поѣхалъ ни въ Козьминъ, ни въ другія изъ своихъ помѣстій. Прибывъ на границу Великопольши, онъ началъ свое путешествіе отъ хаты къ хатѣ, бесѣдовалъ съ своими единомышленниками, рассказывалъ съ насмѣшкой о королевской свадьбѣ, о своихъ надеждахъ на будущее и готовился къ измѣнѣ вмѣстѣ съ рыцарями, съ которыми вошелъ въ согласіе.

Такимъ образомъ, онъ доѣхалъ до своего брата въ Чачъ, у котораго былъ, какъ у себя дома. И сюда къ нему съѣхалось вѣще, чтобы послушать, какія у него надежды и что они должны дѣлать.

Быть можетъ староста Борковичъ не со всѣми откровенничалъ, но въ тѣсномъ кружкѣ говорилъ, что скоро настанетъ рѣшительная минута, при чемъ похвалялся, что онъ возобновилъ свои отношенія съ бывшей княжной, а нынѣшней коро-

левой Ядвигой; что онъ въ милости у нея и что онъ надѣется водить за носъ обабившагося короля до тѣхъ поръ пока ужъ не станетъ поздно предотвратить событія.

Разумѣется, единомышленники Борковича и не думали скрывать того, что онъ говорилъ открыто. Слухи, оскорбляющіе честь молодой королевы, расходились по всему краю, а ловкость Мацьки, съ которою онъ дерзко втиралъ очки непосвященнымъ, возвышала его въ глазахъ народа. Никто не сомнѣвался, что, находясь подъ командой такого вождя, великополяне отойдутъ отъ короны и возстановятъ свои прежнія права свободы...

Борковичъ, какъ и всѣ подобные ему люди, осмѣливающіеся произвести переворотъ съ заднею цѣлью, чтобы самому воспользоваться имъ, больше говорилъ и общалъ, чѣмъ могъ сдѣлать. Тѣмъ не менѣе, онъ лгалъ ради того, чтобы возбудить охоту къ мятежу и поддержать духъ возмущенія противъ правителя государствомъ. Онъ клялся, что вошелъ въ союзъ съ Бранденбургами, что князья Силезскіе согласились оказать ему помощь и что крестоносцы охотно поддержать его. А такъ какъ до настоящаго времени ему везло, то вѣрившіе ему нисколько не сомнѣвались въ его силѣ.

Чачъ былъ переполненъ народомъ, и не только илохенькій домъ, но и дворъ со всѣми сараями, амбарами и всякими другими постройками былъ занятъ съѣзжавшеюся и уѣзжавшею шляхтой, которая слушала вранье Борковича.

Такъ продолжалось нѣсколько дней, какъ вдругъ однажды вечеромъ пришелъ настоятель мѣстной церкви, который очень рѣдко посѣщалъ дворъ. Онъ былъ сильно обезкураженъ и, зная обоихъ Борковичей, избѣгалъ съ ними всякихъ отношеній. Они сильно обижали его десятинами, но онъ не жаловался и ничего не говорилъ, ради святого покоя.

Появленіе его въ имѣніи, да еще во время пребыванія Мацьки, бросилось всѣмъ въ глаза. Онъ не могъ прійти безъ особенно важныхъ причинъ.

Ясько, братъ старосты, увидѣвъ его и думая, что онъ пришелъ по какому-либо спорному съ нимъ дѣлу, вышелъ къ нему навстрѣчу, желая скорѣй отдѣлаться отъ него, какъ отъ ненужнаго свидѣтеля того, что у него происходило; но настоя-

тель тихо отвѣтилъ ему, что онъ пришелъ съ поклономъ къ старостѣ и желаетъ видѣться съ нимъ.

Хотя Мацько не особенно дружился съ духовными, но, привлекая всѣхъ на свою сторону, онъ не брезгалъ и ими.

Онъ пригласилъ его сѣсть на скамейкѣ, на которой лежалъ, велѣлъ подать ему кубокъ и началъ съ шутокъ, оскорбительныхъ для духовенства.

Старый ксендзъ терпѣливо перенесъ ихъ, отдѣлываясь молчаніемъ. Въ виду того, что въ комнатѣ было много постороннихъ лицъ, настоятель не могъ свободно разговаривать съ нимъ, а потому тихо произнесъ:

— Я пришелъ къ вамъ, господинъ староста, не по своему дѣлу, а по вашему, не по своей волѣ, а по приказу... Уйдемте незамѣтно въ другую комнату.

Староста изумился, взглянулъ съ презрѣніемъ на старика и, подумавъ немного, всталъ.

— Ступайте за мной, если хотите,—сказалъ онъ лѣниво.— Интересно знать, что вы можете мнѣ сказать.

Борковичъ помедлилъ и затѣмъ ушелъ. Въ свою очередь и настоятель, поговоривъ кое съ кѣмъ, незамѣтно выскользнулъ въ ту комнату, въ которую вошелъ Борковичъ.

Онъ засталъ его въ ожиданіи въ маленькой комнаткѣ, полъ которой былъ устланъ тюфяками изъ сѣна, приготовленными для гостей. На одномъ изъ нихъ лежалъ староста, положивъ подъ голову руки. Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы ксендзъ сѣлъ на скамейкѣ, стоящей въ головахъ.

— Ну, что вы скажете мнѣ?—спросилъ онъ съ ироніей.

Настоятель не быстро отвѣтилъ: насмѣшливый тонъ раздражалъ его.

— У меня есть порученіе къ вамъ,—сказалъ онъ, — иначе я не сталъ-бы васъ беспокоить.— Я пришелъ къ вамъ въ качествѣ посла, а такъ какъ я не привыкъ исполнять такія порученія, то, быть можетъ, плохо справлюсь съ нимъ... Но я долженъ исполнить свою обязанность.

— Пожалуйста, короче... говорите прямо!—разсмѣялся Борковичъ, предполагая, что онъ пришелъ порицать его за ту жизнь, какую онъ велъ, и уже приготовился дать ему жестокий отпоръ.

Настоятель началъ медленно и тихо. Борковичъ, съ пер-

выхъ его словъ, весь обратился въ слухъ и его ироническое и пренебрежительное лицо сдѣлалось серьезнымъ.

— Я присланъ къ вамъ лицомъ, — сказалъ настоятель, — имени котораго я не смѣю сказать, какъ равно и о томъ, чью волю я исполняю. Но, вѣроятно, это лицо стоитъ высоко и желаетъ вамъ добра, если черезъ меня шлетъ вамъ предостереженіе... На васъ посланы королю новыя жалобы, — васъ обвиняютъ въ чемъ-то предосудительномъ, такъ что воевода вынужденъ васъ арестовать и предать заточенью...

Борковичъ вскочилъ на ноги.

— Меня арестовать? Меня заточить? — крикнулъ онъ во весь ротъ. — Ты, вѣрно, старикъ, съ ума спятилъ!.. Онъ? Меня? въ заточенья!..

Борковичъ приблизился къ нему и потребовалъ точнаго объясненія:

— Можете сдѣлать со мной, что угодно, — спокойно отвѣтилъ настоятель, — но я ничего не могу больше сказать, кромѣ того, что мнѣ приказано.

— Кто приказалъ?

Ксендзь молчалъ.

— Не можетъ быть, чтобы этотъ, ни къ чему уже не способный человѣкъ, вздумалъ сдѣлать то, что не въ его силахъ! — продолжалъ Борковичъ. — Меня хотятъ запугать, разогнать моихъ единомышленниковъ, заставить ихъ бѣжать, а меня — потерять то, надъ чѣмъ я трудился много лѣтъ!.. Это измѣна!.. это подвохъ!..

— Думайте, что хотите, — возразилъ настоятель, — но я знаю только то, что мнѣ приказано вамъ сказать. Воевода рѣшилъ васъ заточить и должно быть ужъ отданъ приказъ. Поэтому васъ предупреждаютъ, чтобы вы были осторожны, не ѣздили съ маленькимъ отрядомъ и скорѣе оправдались, какъ передъ дядей, такъ и въ Краковѣ...

— Я? оправдываться передъ этой развалиной?! — воскликнулъ Борковичъ. — Между нами все кончено и мы не сядемъ вмѣстѣ за одинъ столъ, а въ Краковѣ я ужъ былъ два раза и только что оттуда возвратился. Больше не поѣду... Все это однѣ сказки, и ты сейчасъ говори мнѣ, кто тебя послалъ?.. Слышишь? Сейчасъ говори, если тебѣ дорога жизнь!

Настоятель не испугался, вздохнулъ и спокойно отвѣтилъ:
— Хоть бы вы убили меня, больше ничего не могу сказать.

Хладнокровіе, съ какимъ онъ сказалъ, возбѣсили Борковича; онъ бросился къ дверямъ и позвалъ брата.

Послѣдній тотчасъ пришелъ и Мацько, весь дрожа отъ гнѣва, объяснилъ ему все дѣло. Оба напали на настоятеля, который всталъ со скамейки, сложилъ руки и стоялъ съ поникшей головой.

Ясько былъ былъ настолько дерзокъ, что даже, не обращая вниманія на духовный санъ, схватилъ старика за плечи и началъ трясти ихъ. Послѣдній и безъ того едва стоялъ на ногахъ, но онъ грозилъ ему еще смертью.

Однако и это не помогло. Напротивъ, священникъ, возмущенный такимъ обращеніемъ съ нимъ, совсѣмъ замолчалъ.

Оба брата были чрезвычайно вспыльчивы и тормозили несчастнаго, но тотъ въ послѣдній разъ сказалъ:

— Не могу.

Мацько первый опомнился.

— Оставь его въ покоѣ, — сказалъ онъ брату. — Если-бъ у него не было выбритой плѣшки (тонзуры) на головѣ, то я поступилъ бы съ нимъ иначе, но теперь не желаю ссориться съ епископомъ...

Священникъ, надѣясь, что все-таки его ряса защититъ отъ оскорбленій, стоялъ неподвижно и наконецъ отозвался:

— Хотите — слушайте, а не хотите — поступайте какъ вамъ угодно... Вы подозрѣваете измѣну, и я вовсе не намѣренъ защищаться въ томъ, а только скажу, что ни одинъ священникъ не позволитъ себѣ служить орудіемъ измѣны...

Мацько опять вспыхнулъ.

— Если не ты измѣнникъ, то тотъ, кто тебя послалъ! крикнулъ онъ. — Воевода долженъ бояться меня, а не я его!.. Я не побоюсь этого полусгнившаго трупа!

— Тѣмъ лучше для васъ, что вы не боитесь, — возразилъ настоятель, намѣреваясь уйти.

Но Ясько загородилъ ему дорогу и началъ съ нимъ болѣе ласково. Онъ общалъ ему стогъ сѣна, овса и денегъ, если онъ выдастъ, кто его послалъ; однако ничего не помогло.

Настоятель только усмѣхнулся, но не отвѣтилъ.

Было уже поздно; гости начали расходиться; нѣкоторые ложились спать на скамейкахъ, такъ что ужъ неудобно было задерживать старика.

Братья остались одни и начали совѣтоваться, что имъ дѣлать. Мацько доказывалъ, что это было измѣнническое запугиванье его, чтобы лишить его энергіи и обезоружить, но Ясько пришелъ къ иному заключенію.

— Воевода сердить на тебя и черезчуръ много беретъ на себя, — сказалъ онъ, — но онъ не знаетъ твоей силы, а, кромѣ того, видно, спятилъ съ ума. Кто его знаетъ? Можетъ быть онъ затѣялъ что либо такое, чего не въ состояніи исполнить, а простушка Маруся, узнавъ о томъ и жалѣя тебя, послала предупредить...

Борковичъ призадумался: мысль брата поколебала его убѣжденіе. А такъ какъ у него были въ Познани и даже при дворѣ Беньки преданные ему люди, то онъ въ эту же ночь послалъ туда двухъ надежныхъ людей навести справки.

Несмотря на то, что староста Борковичъ клялся, будто онъ никого не боится, однако же Ясько принялъ всѣ мѣры предосторожности, поставилъ стражу и послалъ собрать побольше вооруженныхъ людей. Братья не признавались, что они боятся, чтобы не надѣлать переполоха между шляхтами единомышленниками, тѣмъ не менѣе приняли къ свѣдѣнію предостереженіе ксендза и были, какъ говорится, на чеку.

Прошло два дня, пока одинъ изъ посланныхъ воротился. Онъ только узналъ, что воевода послалъ куда-то своего довѣреннаго Панаса и что Бенько стягивалъ къ себѣ большія силы...

Это возбудило подозрѣніе и Борковичъ нахмурился.

На слѣдующій день вернулся и второй гонецъ, который подтвердилъ донесеніе перваго, только съ большими подробностями и сплетнями, собранными имъ при дворѣ воеводы.

Такимъ образомъ предостереженіе настоятеля, который больше не показывался въ имѣніи, хотя Ясько и посылалъ за нимъ, приняло серьезное значеніе.

Мацько началъ соглашаться съ мнѣніемъ брата, и прежде чѣмъ уѣхать въ Козьминъ, приказалъ своимъ слугамъ прослѣдить, куда былъ посланъ Панаша.

Но это было не легко. Прошла недѣля, а слуги не могли напасть на его слѣдъ или добыть о немъ какихъ либо свѣдѣній, что очень взбѣсило Борковича. Онъ грозилъ имъ батогами и заточеніемъ, и заточеніемъ, не обращая вниманія на то, что они были дворяне или мужики, принадлежали къ извѣстному гербу или были простые люди. Всѣхъ, кто ему служилъ, онъ считалъ своими невольниками и каралъ ихъ иногда повѣшеніемъ. Онъ охотно платилъ гривны за ихъ головы, но шадить никого не умѣлъ.

Наконецъ Борковичъ уже совсѣмъ собрался въ Козьминъ съ сильно вооруженнымъ отрядомъ, когда одинъ изъ его посланныхъ, на котораго онъ меньше всего рассчитывалъ, а именно, глупый Дысъ, какъ его называли, увѣдомилъ его, что переодѣтый Панасъ ужъ больше недѣли живетъ въ корчмѣ Чача и должно быть намѣревается заглянуть и въ самый Чачъ.

Извѣстіе это получилось вечеромъ, а передъ полночью Мацько съ братомъ и двумя десятками вооруженныхъ людей двинулись въ путь, съ цѣлью окружить корчму. Борковичъ находился въ такомъ волненіи, что, стоя на крыльцѣ, едва дождался своей лошади. Онъ бранился, проклиналъ мѣшкотность людей и грозилъ имъ мечомъ.

— Пусть только у меня уйдетъ русинъ, — кричалъ онъ, — такъ я вамъ всѣмъ головы поснимаю!..

Корчма стояла на большакѣ ведущемъ въ Познань, у лѣса, по которому всегда было значительное движеніе. Здѣсь скрещивались двѣ дороги и передъ вечеромъ было всегда много проезжихъ людей, ночевавшихъ въ корчмѣ.

Огонь ужъ погасъ въ избѣ и всѣ, казалось, спали. Мацько велѣлъ окружить домъ и постучаться въ главные ворота.

На дворѣ и подъ навѣсами стояло много возовъ, а такъ какъ въ тѣ времена были частые разбои и нападенія, главнымъ образомъ на купцовъ съ товарами, то всѣ вскочили и схватились за оружіе.

Борковичъ велѣлъ зажечь прихваченные съ собою смоляныя факела, никого не выпускать и обыскать какъ самую избу, такъ и всѣ сарай.

Первый попавшійся въ руки людей Борковича былъ богатый купецъ, нѣмецъ, по прозванію Нѣмчинъ, имѣвшій свой боль-

шой магазинъ въ Краковѣ, на Сукеницахъ, и въ то же время развозившій свои товары и торговавшій по всему краю.

У Мацьковыхъ слугъ, какъ и у него самого, было въ обычаѣ не выпускать изъ своихъ рукъ богатой добычи. Нѣмчинъ показалъ имъ проходной листъ съ печатью, что ему дозволено торговать повсемѣстно, но этотъ документъ порвали, истоптали ногами, возы моментально разграбили и онъ самъ едва избавился отъ смерти. Даже лошадей забрали и онъ остался при одномъ бичѣ.

Другіе путешественники, знавшіе по слуху Борковича, откупались деньгами...

Вся корчма была обыскана, но Панаса не нашли, хотя всюду заглядывали съ огнемъ, не обращая вниманія, что они могли, при неосторожномъ обращеніи съ нимъ, сжечь всѣ строенія.

Въ виду этого, рѣшено было уѣхать съ пустыми руками, какъ вдругъ одинъ изъ шайки разбойниковъ Борковича, забрался на чердакъ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Панасомъ, который и положилъ его мечемъ на мѣстѣ. Падая, онъ крикнулъ; услышавшіе этотъ крикъ бросились на помощь и завязалась борьба, въ которой онъ изрубилъ многихъ, но все-таки былъ схваченъ силою и стащенъ внизъ, гдѣ оба брата Борковича моментально покончили съ нимъ.

Панась сильно защищался, ранилъ Яську и ударилъ два раза мечомъ Мацьку, но, въ концѣ концовъ, раненый самъ въ шею, палъ жертвой наповаль.

Его трупъ былъ ободранъ донага и осмотрѣнъ при свѣтѣ факеловъ. Оказалось, что это былъ дѣйствительно Панась.

Борковичъ обрадовался, велѣлъ корчмарю выкатить бочку водки своимъ людямъ, а самъ съ братомъ вернулся въ Чачь.

Находка скрывшагося на чердакъ Панаши служила неопровержимымъ доказательствомъ того, что воевода что-то замышлялъ и, слѣдовательно, своевременное предостереженіе не было измѣной.

Когда оба брата вернулись передъ утромъ домой, они приказали подать имъ ѣсть и пить. Мацько былъ величайшій обжора и пьяница, а потому, какъ только набилъ желудокъ, пришелъ въ веселое настроеніе и самодовольно сказалъ:

— Теперь пусть господинъ воевода самъ остерегается и не

вылѣзаетъ изъ своей норы, ибо, прежде чѣмъ онъ посадить меня въ подземелье, самъ ляжетъ трупомъ, въ примѣръ другимъ. И Господь мнѣ поможетъ въ этомъ!

Онъ не колебался призывать Бога на помощь и хотя проливалъ невинно кровь и не дорожилъ чужою жизнью, однако молился по своему и жертвовалъ за свои грѣхи на церкви.

— Я не стану скрывать, — продолжалъ онъ, — что воевода не ускользнетъ изъ моихъ рукъ!.. Напротивъ, всѣмъ буду говорить и благовѣстить о томъ... Онъ хотѣлъ заточить меня въ тюрьму, а я заточу его въ могилу, откуда онъ вылѣзетъ только въ день Страшнаго Суда... Если мнѣ кто объявитъ войну, то хоть бы онъ былъ не дядей, а роднымъ отцомъ, я живо замажу ему ротъ навѣки.

Говоря это, онъ стучалъ кулакомъ по столу, такъ что посуда прыгала на немъ, а затѣмъ умокъ и началъ пить.

Между тѣмъ познанскій воевода, увѣренный въ ловкости и умѣ Панаса, ждалъ съ нетерпѣніемъ его возвращенія, которое тянулось безконечно, и онъ каждый день спрашивалъ, не вернулся-ли его вѣрный слуга.

Прошло ужъ много времени и Бенько забеспокоился, какъ вдругъ пришла вѣсть о нападеніи разбойниковъ на корчму, объ ограбленіи купца Нѣмчина, который пѣшкомъ пришелъ въ Познань, и объ убійствѣ Панаши.

Воевода вѣрить не хотѣлъ и тотчасъ послалъ своего второго любимца, Вротиша, на мѣсто происшествія.

Послѣдній, пріѣхавъ въ корчму, прежде всего узналъ о нападеніи, а затѣмъ объ убійствѣ человека, котораго ужъ похоронили у лѣса, въ могилѣ, забросанной вѣтвями. Оставалось откопать ее и убѣдиться, дѣйствительно ли то былъ Панаши. Хотя бы тѣло его было изрублено и разложилось, во всякомъ случаѣ, Вротишъ могъ его узнать по лѣвой ногѣ, на которой было шесть пальцевъ и которые онъ видѣлъ, купаясь съ нимъ.

Вротишъ раскопалъ могилу. Трупъ былъ изрубленъ до неузнаваемости, однако ступня оказалась цѣлой и онъ отнюдь не усомнился, что это былъ Панаши.

Въ виду такого открытія, онъ немедленно вернулся домой, но, зная привязанность воеводы къ покойному Панаши, онъ осторожно приготовилъ его къ случившемуся несчастью.

Старый Бенько расплакался, какъ ребенокъ, по своему вѣрному слугѣ, но тотчасъ пришелъ въ себя и поклялся отомстить. Начались быстрыя приготовленія къ облавѣ на Борковича. Воевода, у котораго раны на ногѣ ужъ затянулись, никому не хотѣлъ довѣрить командованіе отрядомъ и рѣшился самъ поѣхать съ вѣрными ему людьми. Онъ не скрывалъ этого передъ женою, и Маруся, испугавшись опаснаго предпріятія въ его-годы, упала передъ нимъ на колѣни, умоляя не ѣздить.

Но воевода и слушать не хотѣлъ, приписывая ея заботы о немъ любви къ своему племяннику.

Между тѣмъ приготовленія шли; Бенько торопилъ и ворчалъ, но почему-то со дня на день откладывалъ. Быть можетъ, онъ, замедляя такъ свой отъѣздъ, остылъ бы отъ гнѣва и жалости, если-бъ къ нему не пріѣхалъ помѣщикъ Згличъ, находившійся въ родствѣ съ Наленчами. Послѣдній предостерегъ его, что Борковичъ поклялся лишить его жизни. Онъ бывалъ въ обоихъ лагеряхъ, пилъ и ѣлъ у Борковича, но держалъ сторону Беньки. Иногда на него находило различное настроеніе и онъ защищалъ то одного, то другого и, такъ сказать, колебался; но все-таки ему было больше жаль воеводы.

Узнавъ о томъ, Веняминъ посинѣлъ отъ гнѣва и тотчасъ послалъ людей узнать, гдѣ находится Борковичъ, а между тѣмъ рѣшилъ идти въ Козьминъ, и ужъ никакая сила его не могла удержать. Воеводша, беспокоившаяся прежде за племянника, теперь начала беспокоиться за обоихъ, а больше — за мужа, который ни силой, ни ловкостью не могъ соперничать съ молодымъ Борковичемъ... Она потеряла голову, плакала, молилась и наконецъ внезапно опасно заболѣла.

Бенько, сильно привыкшій за всю жизнь къ своей подругѣ жизни, вынужденъ былъ отложить экспедицію, потому что Маруся, вмѣсто доктора, потребовала священника, предчувствуя свою близкую кончину.

Лежа ужъ на смертномъ одрѣ, она заклинала мужа, чтобы онъ не ходилъ на Мацьку, а поручилъ бы все дѣло Вержбенту. Старикъ успокоительно бурчалъ, но ничего положительнаго не обѣщалъ и что ужъ разъ рѣшилъ, то считалъ своей святой обязанностью кончить. Всѣ ужъ знали о взаимныхъ угрозахъ, и уступить племяннику было для старика оскорбительно.

Воеводша умерла. Муж справилъ великолѣпныя похороны и поминки, а затѣмъ заперся у себя на пѣсколько дней оплакать ее. Послѣ этого, онъ позвалъ капелана и канцлера Познанскаго, составилъ духовное завѣщаніе, оставляя все свое состояніе двоюроднымъ родственникамъ, и только одну деревню — на вѣчное поминовеніе жены и его — причту познанскаго собора. Исполнивъ это, онъ опять началъ готовиться на своего злѣйшаго врага Борковича.

Прошло порядочное время, а о старостѣ не было ничего слышно, кромѣ жалобъ, что онъ, разтѣзая по Великопольшѣ, обижалъ народъ, избавлялся наглымъ образомъ отъ своихъ бывшихъ друзей, разбивалъ по дорогамъ, наѣзжалъ на имѣнія и дворы и насиловалъ безнаказанно.

Но прежде чѣмъ отправиться въ экспедицію, воеводѣ представилась нужда поѣхать въ калишскія помѣстья. Онъ собрался съ небольшою свитой, не вѣря, чтобы племянникъ жены осмѣлился напасть на него.

Взявъ съ собою два-три десятка вооруженныхъ людей верхомъ и сѣвъ самъ въ крытый экипажъ, такъ какъ не могъ еще проѣхать всего разстоянія, вслѣдствіе болѣзни ноги, верхомъ на лошади, онъ двинулся въ путь...

Въ окрестностяхъ ничего не было слышно о Борковичѣ. Путешествіе воеводы было заранѣе оповѣщено, и всѣ, слѣдовательно, знали, когда онъ уѣдетъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ Вержбентъ пришелъ попрощаться и, увидѣвъ маленькій отрядъ для сопровожденія его, счелъ своей обязанностью замѣтить ему, что не мѣшало бы взять побольше, такъ какъ онъ легко можетъ встрѣтиться съ Борковичемъ. Увѣренный въ себя воевода только разсмѣялся.

— Теперь я не стану его искать, — возразилъ онъ, — а онъ, ручаюсь, если-бъ и услышалъ обо мнѣ, скорѣе скроется, чѣмъ затронетъ меня... Онъ знаетъ, что я не люблю шутить.

Вержбентъ хотѣлъ еще что-то сказать, но воевода не позволилъ и они попрощались.

Въ первый день ничего не случилось, и Бенько благополучно доѣхалъ до ночлега, ожидавшаго его въ пяти миляхъ отъ Познани. Онъ пріѣхалъ еще засвѣтло въ деревню, въ которой богатый крестьянинъ уступилъ ему свою избу.

Деревня находилась неподалеку от лѣса, а хата стояла особнякомъ отъ нея. Воевода легъ довольно рано, чтобы отдохнуть и пораньше отправиться въ дальнѣйшее путешествіе. Его челядь и солдаты еще не спали и варили для себя кашу съ саломъ на кострѣ, какъ вдругъ изъ лѣса выѣхала ватага людей, которые съ крикомъ и воемъ стремглавъ бросились прямо на хату... Разоружившійся отрядъ не успѣлъ еще схватиться за оружіе, какъ ужъ Мацько Борковичъ выломалъ дверь и ворвался съ обнаженнымъ мечемъ въ хату.

— Гдѣ здѣсь старый дѣдъ, — крикнулъ онъ, — который хотѣлъ схватить меня и заточить въ подземелье?

Воевода, никогда не ложившійся безъ обнаженного кинжала, который клалъ подлѣ себя, вскочилъ съ постели и, съ смѣлостью молодого человѣка, сталъ въ оборонительное положеніе посерединѣ комнаты, въ которой онъ лежалъ...

Борьба была неровная, потому что Борковичъ не только былъ молодъ и силенъ, но и въ рыцарскихъ доспѣхахъ, тогда какъ воевода — въ одной рубашкѣ, какъ легъ въ постель.

Онѣ рубили другъ друга; но каждый ударъ Мацьки ранилъ старика и кровь его полилась ручьями, а кинжалъ Бенъки только скользилъ по желѣзнымъ латамъ противника.

Воевода, вынужденный отскочить назадъ, поскользнулся на собственной крови и упалъ на постель, а безчестный Борковичъ вонзилъ свой мечъ въ грудь безоружнаго дяди такъ сильно, что тотъ не успѣлъ крикнуть: Господи! и отдалъ Богу душу.

Люди воеводы, отчасти разбѣжавшіеся, отчасти схваченные и связанные и отчасти защищавшіеся до послѣдней капли крови, ничего не могли сдѣлать... Увидѣвъ убитымъ своего господина, они поневолѣ сдались.

Шайка Борковича немедленно разобрала все, что было на возахъ и на лошадяхъ, не пощадивъ даже труповъ, которыхъ раздѣли догола, и Борковичъ, опьяненный своей побѣдой и торжествующій, уѣхалъ въ Козьминъ, грозя всѣмъ своимъ врагамъ, что ихъ ждетъ такая же участь.

Нападеніе и убійство были такъ явны и очевидны для многихъ свидѣтелей этого преступленія, что его нельзя было скрыть, да Борковичъ и не думалъ его скрывать.

Пріѣхавъ къ своимъ, онъ громко заявилъ, что, будучи

вызванъ воеводой, который грозилъ ему смертью, дрался съ нимъ, защищая себя, убилъ его.

Всѣ знали, что значать эти слова въ устахъ Борковича, но никто не посмѣлъ обвинять его. Напротивъ, благодаря этому убійству, онъ сдѣлался сильнѣе и страшнѣе для своихъ многочисленныхъ враговъ.

Въ Познани произошелъ переполохъ, и кто не былъ въ разговоръ съ Мацькой, поневолѣ встревожился, боясь, чтобы онъ не овладѣлъ всѣмъ городомъ... И въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ приходилось считаться.

Вержбентъ, узнавъ о смерти своего пріятеля-воеводы, самъ поѣхалъ за его тѣломъ и тотчасъ послалъ гонца въ Краковъ съ донесеніемъ о несчастии и кто былъ его причиной.

Король очень любилъ стараго воеводу. Казалось, что мѣра терпѣнья его относительно Борковича переполнилась и что послѣдняго ждетъ жестокое наказаніе, тѣмъ болѣе, что онъ измѣннически напалъ на старика.

Двоюродные родственники вызвали его на судъ короля.

Должно быть онъ на это былъ приготовленъ, потому что открыто сказалъ, что если ему придется ѣхать въ Краковъ, то онъ лично оправдается передъ королемъ... Очевидно, еще не настала часъ открытаго бунта.

Однако, всѣ друзья и единомышленники не совѣтовали ему ѣхать, предвѣщая ему горе; но онъ клялся, что если его позовутъ, то онъ дѣло выиграетъ, и поэтому готовился уже въ путь съ многочисленнымъ отрядомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ посылки Вержбентомъ гонца къ королю, отъ него пріѣхали посланные къ Борковичу съ требованіемъ немедленно явиться въ Краковъ на судъ.

Борковичъ весело принялъ пословъ, напоилъ ихъ, накормилъ и одарилъ, а затѣмъ приказалъ готовиться въ путь.

Такъ какъ въ нападеніи на воеводу видѣли брата и сына Борковича, то и ихъ привлекали къ отвѣтственности. Но Ясько струсилъ и скрылся, хотя Мацько хотѣлъ, чтобы онъ былъ подлѣ него. Что касается сына, то онъ самъ не позволилъ ему сопровождать себя: онъ былъ у него одинъ и боялся подвергать его опасности.

И староста уѣхалъ, напѣвая и насвистывая такъ весело,

какъ будто ничего не случилось. Его никогда не видали такимъ, и пріятели не понимали, на что онъ разсчитываетъ; но это ободрило ихъ и поддержало единомысліе.

— Мацько увѣренъ въ себѣ, — говорили они, — значить ничего ему не будетъ...

Король ужасно возмущился, узнавъ объ убійствѣ воеводы Веньямина. Борковичъ довольно ужъ напроказничалъ: всѣ возставали противъ него и единогласно обвиняли... Въ виду этого, король долженъ былъ произнести надъ нимъ суровый приговоръ.

Такъ по крайней мѣрѣ казалось всѣмъ, кто не зналъ короля. Но у Казимира былъ такой обычай, что если кто больше настаивалъ, тѣмъ сильнѣе онъ инстинктивно сопротивлялся. Всякіе упреки и обвиненія Борковича не были до настоящаго времени подтверждены убѣдительными доводами, а его смѣлость, мужество и энергія скорѣе говорили за него, чѣмъ противъ него.

Прежде чѣмъ Борковичъ прибылъ въ Краковъ, у короля было время обдумать его дѣло, и онъ рѣшилъ уже, что если староста смѣло явится къ нему, станетъ защищаться и категорически докажетъ, изъ за чего произошло несчастье, то онъ еще не будетъ столько виноватымъ, сколько если-бъ онъ сталъ запираться и выпутываться ложью изъ своего преступленія.

Всѣ думали, что Борковичъ не пріѣдетъ; но ошиблись, и онъ въ одинъ прекрасный день въѣхалъ въ Краковъ съ великолѣпнѣмъ высокопоставленнаго вельможи, занялъ большое помѣщеніе въ гостиницѣ и, вопреки всякимъ предсказаніямъ, нисколько не стѣснялся явиться къ королю для оправданія.

Удивленіе всѣхъ было безгранично и люди не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Любопытство ихъ было возбуждено въ высшей степени.

Въ тотъ же день, вочеромъ, Борковичъ, не пренебрегая никакими средствами въ свое оправданіе, отправился къ Вѣржинку.

Онъ засталъ Вѣржинка въ тотъ моментъ, когда тотъ вставалъ изъ-за стола послѣ ужина. Взглянувъ на него, онъ сразу понялъ по его холодному лицу, что ему не легко будетъ оправдаться передъ королемъ.

Вѣржинокъ издали, молча, привѣтствовалъ его. Борковичъ, не смотря на присутствіе въ комнатѣ посторонняго человѣка,

одного изъ членовъ краковского городского совѣта, Кечера, прямо заговорилъ о себѣ:

— Вѣрно вы удивляетесь, что видите меня въ Краковѣ? — смѣло отозвался онъ. — Очернили здѣсь Борковича, такъ что впору только положить голову подъ топоръ... Ну, что-жъ! Вотъ я и повергну ее къ ногамъ короля и пусть съ нею дѣлаетъ что угодно...

Вѣржинокъ слушалъ, но молчалъ.

— Въ чемъ еще меня обвиняютъ, это—безразлично; а что касается убійства Бенъки, то я самъ каюсь: это правда! Я убилъ его, потому что онъ обидѣлъ меня своей клеветой, будто я измѣнникъ, и потому, что грозилъ мнѣ заточеніемъ и казнью. Я вынужденъ былъ искать удовлетворенія за оскорбленіе моей чести...

Кечерь, не желая присутствовать при объясненіи, удалился и Вѣржинокъ остался съ Борковичемъ.

— Король сильно гнѣвается на меня? — спросилъ староста.

— Я не говорилъ съ нимъ по вашему дѣлу, — возразилъ Вѣржинокъ.

— Хотя и не говорили, но, какъ близкій къ нему человекъ, все знаете... Какъ вы думаете, станетъ онъ мнѣ на горло?

Онъ сказалъ это съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто совсѣмъ не боялся смерти. Вѣржинокъ пожалъ плечами.

— Лучше не спрашивайте меня, — отвѣтилъ онъ, — потому что я почти ничего не знаю... Если бъ дѣло касалось соляннхъ промысловъ или казны, то я могъ бы предположить, что васъ ожидаетъ. Уголовныя же дѣла меня не касаются. Одно мнѣ извѣстно, что на васъ много разныхъ жалобъ. Но я не слышалъ отъ короля ничего такого, изъ чего можно было бы вывести заключеніе о его прѣговорѣ...

Напрасно Борковичъ задавалъ ему разные вопросы, но умный Вѣржинокъ ни въ чемъ не проговорился, и Борковичъ ушелъ отъ него ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ Вѣржинокъ въ тотъ же вечеръ былъ въ замкѣ. Онъ имѣлъ доступъ во всякое время къ королю и входилъ къ нему безъ доклада, когда хотѣлъ.

Казиміръ ужъ былъ оповѣщенъ о прибытіи старосты и предупрежденъ, что онъ надѣялся на его справедливость.

Спрошенный имъ Вѣржинокъ отвѣтилъ, что слышалъ отъ самого Борковича. Король молча выслушалъ его...

Послѣ Вѣржинка, пришелъ Коханъ и заговорилъ о старостѣ, котораго терпѣть не могъ и ядовито нападалъ на него. Казиміръ нахмурился. Нападеніе на Борковича вызывало его недовѣріе и тѣмъ большее желаніе защитить его.

— Судья долженъ выслушать обѣ стороны, прежде чѣмъ произнести свой приговоръ,—сказалъ король, выслушавъ Раву.— Но ты, кажется, слушалъ только однихъ обвинителей, а не обвиняемыхъ и защитниковъ.

Удивленный Коханъ замолчалъ.

На слѣдующее утро Борковичъ, не спѣша, послалъ просить аудіенціи у короля, который и назначилъ ее на второй день.

Когда распространилось извѣстіе, что обезславленный великопольскій негодяй уже прибылъ въ Краковъ и что его будетъ судить самъ король, всѣ, чѣмъ-либо обиженные имъ, поспѣшили въ замокъ съ своими жалобами.

Ксендзь Суховилькъ, которому архіепископъ поручилъ изложить дѣло воеводы Беньки, явился съ большимъ перечнемъ насилій, разбойническихъ нападеній и убійствъ, приписываемыхъ Борковичу, и требовалъ прежде всего заточенія, чтобы предупредить измѣну, явное доказательство которое заключалось въ сношеніяхъ его съ бранденбургскимъ дворомъ.

Король, какъ извѣстно, питалъ къ нему большое довѣріе и вѣрилъ въ его разумъ; но ему было жаль смѣлаго и энергичнаго человѣка, и онъ отдѣлался молчаніемъ.

Когда настала часть аудіенціи, Мацько явился и умолялъ короля удостоить его особенною милостью выслушать его наединѣ. Хотя это противно было обычаю, но Казиміръ согласился.

Борковичъ вошелъ не особенно смѣло, но въ то же время и не робко. Король холодно принялъ его.

— Переполнилась мѣра вашихъ насилій,—сказалъ онъ,—въ которыхъ васъ постоянно обвиняютъ... Отъ вашихъ ударовъ палъ лучшій изъ моихъ слугъ, Бенько...

Борковичъ сложилъ руки на груди.

— Да, милостивый король!—отвѣтилъ онъ, волнуясь.—Я убилъ его, чтобы самому не быть убитымъ. Ставлю шесть, но могу поставить двѣнадцать свидѣтелей, какъ онъ грозилъ мнѣ

арестовать меня и казнить за какую-то измѣну, не ожидая вашего суда и приказанія... Онъ оклеветалъ меня передъ вашимъ величествомъ, назвавъ измѣнникомъ, и этого я не могъ ему простить... Я—человѣкъ и чувствую свое великое преирѣшеніе, что ужъ не однажды облилъ себя кровью,—каюсь въ томъ, но люди сдѣлали меня во сто разъ худшимъ, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ: они позорятъ меня и мое доброе имя...

Король слушалъ его молча.

— Вы якшаетесь съ Бранденбургами,—коротко замѣтилъ Казиміръ.

— Бранденбурги—ближайшіе мои сосѣди,—возразилъ Борковичъ,—за которыми необходимо наблюдать; а если-бъ я не сталъ смотрѣть за ними, то кто же сталъ бы смотрѣть? Не легковѣрный ли Вержбентъ или покойный Бенъко, который не дѣлалъ шагу изъ дому?.. Не для себя я старался слѣдить за ними и узнавать, что они думаютъ, а для васъ, милостивый государь, и за это меня прозвали измѣнникомъ!

— Вы хорошо умѣете говорить въ свою защиту!—сказалъ король, помолчавъ.—Но почему всѣ встаютъ противъ васъ?.. Почему всѣ единогласно обвиняютъ?.. Вѣдь вы не можете быть правымъ противъ всѣхъ!.. Кто замолвить за васъ хоть одно доброе слово?

— Ваше величество! Въ Краковѣ я не найду себѣ защитника, да и искать его не стану; но въ Великопольшѣ найдется больше голосовъ за меня, чѣмъ здѣсь противъ меня... Позвольте мнѣ представить ихъ всѣхъ... Всѣ, кто подписали договоръ со мною, въ которомъ меня тоже обвиняютъ, какъ измѣнника,—подтверждать, что я стремлюсь и хлопочу только о достиженіи порядка. Не разъ мнѣ приходилось стараться съ негодями и класть ихъ трупамъ... А что бы теперь было въ Великопольшѣ за вашими глазами, если-бъ не я?.. Имъ не къ чему привязаться и подкопаться подъ меня, ну, вотъ онѣ и провозгласили меня измѣнникомъ, благо нашли за что зациниться.. Но развѣ я не помню, чѣмъ я обязанъ моему королю? Кто меня сдѣлалъ тѣмъ, чѣмъ я есть, кто наградилъ и кто обогатилъ?.. За такую черную неблагодарность я былъ бы достоинъ смерти!..

Борковичъ взглянулъ на короля, который слушалъ его при-

задумавшись, не выказывая своего гнѣва. Это ободрило его и онъ началъ объяснять состояніе Великопольши, свои отношенія къ врагамъ и то, что они всѣ слѣпы относительно благосостоянія государства.

Король прерывалъ его незначительными вопросами и наконецъ вернулся къ убійству воеводы.

Староста, признаваясь въ убійствѣ его, палъ передъ нимъ на колѣни, протянулъ руки и молилъ о милосердіи... Онъ самъ признавалъ себя виновнымъ, но объяснялъ это вынужденной самозащитой.

Аудіенція продолжалась около часа. Наконецъ король всталъ и далъ знакъ удалиться, а самъ ушелъ въ свои комнаты.

Борковичъ нарочно вышелъ отъ короля убитымъ и удрученнымъ, чтобы показать этимъ, что Казиміръ далеко не былъ милостивымъ къ нему и чтобы къ нему не приставали съ разспросами.

Въ виду этого, по городу пронесся слухъ, что дѣла Борковича не важны... Онъ самъ заперся въ своей гостиницѣ; но по взглядамъ и по разговору короля онъ могъ судить иначе. И онъ не ошибался. Казиміръ, наперекоръ всѣмъ, хотя и не оправдывалъ его, но склоненъ былъ ласково и мягко судить его. Убійство воеводы не могло пройти безнаказаннымъ; но Борковичъ могъ, по существовавшему обычаю и закону, повести переговоры съ родственниками покойнаго и заплатить имъ за его голову. Доказательствъ, что воевода грозилъ племяннику, было не мало...

Говоря въ тотъ же день, вечеромъ, съ о. Суховилькомъ, король далъ ему понять, что онъ не считаетъ старосту виновнымъ въ измѣнѣ и не станетъ наказывать его сурово за убійство Беньки. Удивленный юристъ старался склонить короля, чтобы онъ не щадилъ, но монархъ остался при своемъ особомъ мнѣніи.

На слѣдующій день опять послышались жалобы со всѣхъ сторонъ и никто не былъ за Борковича, а всѣ—противъ него. Но Казиміръ сухо объяснилъ всѣмъ, что онъ не считаетъ его злымъ преступникомъ и не можетъ его строго судить.

Во всякомъ случаѣ, измучившись всѣмъ слышаннымъ и не желая вызвать неудовольствія о. Суховилька и другихъ,